

ГОЛОСЪ МИНУВШАГО

ЖУРНАЛЪ ИСТОРИИ и ИСТОРИИ ЛИТЕРАТУРЫ.

(Годъ изданія II)

ПОДЪ РЕДАКЦЕЙ

С. П. МЕЛЬГУНОВА и В. И. СЕМЕВСКАГО.

№ 4.

Апрѣль.

1914.

Очерки прошлаго. ¹⁾

Въ маѣ 1878 года я вернулся въ Россію и прямо въ деревню, въ Екатеринославскую губ. Послѣ поѣздки въ Черногорію, Далмацію и возвращенія черезъ Болгарію въ Россію (все это было между Санъ-Стефанскимъ миромъ и до Берлинскаго конгресса) я уже не жилъ потомъ въ Петербургѣ... Я не сочувствую убійствамъ—это само собою понятно, но не могу не сказать, что встряска хорошая для Россіи необходима. Теперь уже у лавочниковъ въ Петербургѣ услышишь такія выраженія: «Что Юханцевъ! вѣдь тутъ в..... к..... Хотите вы дѣйствовать противъ какого-нибудь Южнаго Общества (Полякова)—не тронь: акціи въ рукахъ в..... к.....» Пресса не свободна: она не можетъ назвать вещи своими именами... Можетъ ли идти общество такимъ ненормальнымъ путемъ. Наше спасеніе въ конституціи, въ широкой свободѣ слова... Дальше идти такимъ образомъ—это идти къ гніенію.

Я забылъ написать, что въ наше безденежное время урываютъ хорошенькіе кусочки изъ общаго достоянія. К. Н. продаетъ черезъ подставныхъ лицъ мачтовый лѣсъ за безцѣнокъ. Товарищъ министра финансовъ Шамшинъ ²⁾ получаетъ бездоходное имѣніе, дающее нѣсколько тысячъ въ годъ, и черезъ годъ продаетъ его капиталистамъ за полмилліона. Все это, естественно, возбуждаетъ толки, неудовольствія. А у насъ для сокращенія расходовъ хотятъ уменьшить жалованье чиновникамъ. Надо помогать низшимъ — голякамъ. Высшіе получаютъ больше, чѣмъ нужно. Не одинъ министръ финансовъ потребовалъ сотни тысячъ для отдѣлки себѣ дворца.

¹⁾ См. «Голосъ Минувшаго» 1914, № 2.

²⁾ Пав. Ив. Шамшинъ былъ товарищемъ министра финансовъ съ 1 янв. 1874 по 1 янв. 1879 г.

Часто приходится мнѣ сравнивать Россію и Францію. Тамъ аристократія въ тяжелую годину революціи сошла со сцены, облитая цѣлымъ потокомъ крови. Она вернулась и получила миллиардъ вознагражденія. Одинъ французъ сказалъ: «*Mieux vaut périr dans le sang, que dans la boue,*» но въ этой грязи погибаетъ наше помѣщичье сословіе. Оно ведетъ трагическую борьбу за существованіе, но какаѣ разница: погибать ли отъ просроченныхъ векселей, исполнительныхъ листовъ или погибать на плахѣ, какъ это сдѣлала французская аристократія. Первое, пожалуй, безопаснѣе, но слишкомъ мелко, и деморализація идетъ по пятамъ нашему погибающему барству. Присутствуемъ мы при народженіи буржуазіи изъ крестьянъ - кулаковъ, купцовъ, аферистовъ - дворянъ и разночинцевъ. Молодцомъ называютъ въ обществѣ того, которому въ прежнее время порядочные люди не подали бы руки...

20-го апрѣля совершено покушеніе на Государя ¹⁾. Въ народѣ ходятъ слухи, что царя спасла крестьянская баба. Это очень характеристическая черта. Не хорошо, что хотя бы мѣрами строгости, усугубленіемъ полицейскаго надзора отвѣчать на это покушеніе. Недовольство будетъ расти у тѣхъ, которые относились съ сочувствіемъ къ правительству. Оппортунизмъ и реализмъ — вотъ теперешній лозунгъ. Это хотя бы возвести въ принципъ. Оппортунизмъ — это старчество, это отсутствіе идеаловъ. Человѣчество не обойдется безъ сильной дозы идеализма, фанатизма, прямолинейности. Только въ эпохи отдыха возникаетъ оппортунизмъ. Въ жизни народовъ есть моменты порыванія къ идеалу и, также, моменты оппортунизма. Что такое день для обыкновенныхъ людей. Это — ѣда, питье и толченье воды въ ступѣ. Для человѣка мыслящаго это много. Баронъ Кистеръ на казенный счетъ содержитъ Дика-Пти. Все это факты, которые дискредитируютъ власть и дѣлаютъ ее ненавистною для людей долга и порядка.

Опишу теперь знакомыхъ своихъ въ Петербургѣ.

Ф. М. Достоевскій.

Я видѣлъ его прежде въ Славянскомъ Комитетѣ. Меня всегда привлекало его изможденное, страдальческое лицо, слѣдившее съ напряженнымъ вниманіемъ за тѣмъ, что говорилось въ собраніи. Онъ рѣдко былъ доволенъ дѣйствіями разныхъ лицъ. Я рѣшился идти къ нему: мнѣ хотѣлось поближе сойтись съ нимъ, но я не зналъ, что это будетъ довольно трудно. Я взялъ свои брошюры, какъ предлогъ повидать его. Мнѣ повезло. Достоевскій

¹⁾ Покушеніе 2 апрѣля 1879 г. Соловьева.

говорилъ со мною нѣсколько часовъ, пока знакомая намъ дама (З. Яковлева) не прервала интереснаго разговора.

Заговорили сначала о противорѣчїи, въ которое впали наши прогрессисты, отрицая народное славянское движеніе. «Они не любятъ народа,—сказалъ Достоевскій,—они отрицаютъ его и готовы уничтожить». Все это онъ говорилъ шопотомъ, таинственно, какъ будто въ комнатѣ находился больной. «Мы уничтожимъ народъ,—говорить редакторъ «Отечественныхъ Записокъ (?)». Они похожи на г. генераловъ въ родѣ Гурко, которому ничего не значить сказать: «я сошлю, повѣшу сотню студентовъ». Да они такіе же, какъ г. Гурко. Находили, что Щедринъ принесъ громадный вредъ Россіи. Семинаристы, вотъ кто погубилъ Россію — Чернышевскій, Добролюбовъ и т. д. Это одно изъ золъ Россіи — жида, поляки и семинаристы». Хвалилъ очень книгу кн. Мещерскаго «Графъ Обезьяниновъ на новомъ мѣстѣ». Вотъ эту книгу надо пропагандировать. Съ ней списана (1879 г.) сцена изъ «Ревизора». Всѣ министры, выведенные тутъ, какъ живые. Когда я высказалъ, что Мещерскій смѣшонъ съ своими дворянскими затѣями, Достоевскій перебилъ меня и сказалъ: «Развѣ вы не находите необходимымъ собрать въ какую-нибудь организацію лучшихъ людей. Это необходимо». Въ идеяхъ своихъ онъ сильно склоняется на точку зрѣнія славянофиловъ и ищетъ спасенія въ христіанствѣ, во внутренней правдѣ. «Я могъ бы,—сказалъ Достоевскій,—собрать въ своемъ журналѣ («Дневникъ писателя») искреннихъ; честныхъ людей, любящихъ Россію. Вы будьте нашимъ знаменемъ,—писала мнѣ молодежь».

Я потомъ говорилъ съ нимъ, но гораздо меньше, потому что онъ не любитъ противорѣчїй. Когда я показалъ ему на книги, посланныя въ Бѣлградскую библіотеку, онъ уставился на имя Добролюбова. «Вотъ этого не слѣдовало посылать — это ядъ, растлѣніе всего»... и т. д. Когда я удивился его словамъ, то онъ сказалъ, «что онъ когда-то былъ за Петрашевцевъ, но давно излѣчился, и отъ души ненавидитъ всѣхъ революціонеровъ». Въ обществѣ онъ рѣдко говоритъ. Онъ молча и пѣдозрительно взираетъ на каждое новое лицо. Впечатлѣніе производитъ тяжелое, подавляющее, такъ и чувствуешь, что тутъ, при громадномъ талантѣ, есть что-то неладное, ненормальное во всемъ его существѣ. Достоевскій и психіатрія: вотъ впечатлѣніе, которое выносишь отъ обихода съ нимъ. «Онъ фурьеристъ», сказалъ про него Суворинъ. И совершенно правильно. Пускай внимательно прочтуть его творенія и убѣдятся, что онъ радикальнѣе Щедрина.... Онъ глубокой психологъ (можетъ психіатръ и найдетъ такую глубину ненормально-болѣзненной) и проникаетъ въ глубину души

человѣческой, раскрываетъ въ ней всю мерзость и выталкиваетъ ее наружу, но каждый, который прочтя его сочиненіе, взглянетъ на себя, воскликнетъ: «Да, онъ правъ, и во мнѣ есть эта мерзость!» и тогда въ немъ произойдетъ это стремленіе къ христіанству, къ любви къ ближнему, къ страданію, къ подвигу. Для Достоевскаго не существуетъ шаблонныхъ взглядовъ. Онъ проникаетъ въ глубину всякаго вопроса. Люди, которые начинаютъ Достоевскаго, начнутъ требовать кореннаго исправленія соціального строя и не удовольствуются буржуазнымъ парламентаризмомъ. Они поставятъ вопросъ ребромъ, чтобы не было бѣдности. И это почти не невозможность—ученіе Достоевскаго также революціонно, какъ и ученіе Христа, несмотря на то, что въ немъ воздастся Кесарю — кесарево.

Я говорю про личное впечатлѣніе, которое производитъ изможденное лицо Достоевскаго, говорящаго какимъ-то зловѣщимъ шопотомъ, но о сочиненіяхъ скажу совершенно другое. Я безусловно поклонникъ его произведеній. Братья Карамазовы — нѣчто высокое, художественное, особенно Великій Инквизиторъ. Хочется мнѣ написать когда-нибудь «Руссо и Достоевскій». Въ обоихъ есть родство. Въ случаѣ революціи—Достоевскій будетъ играть большую роль. Онъ овладѣлъ молодыми умами, онъ говоритъ сердцу человѣка, возвышаетъ васъ, его проповѣдь страданій какъ нельзя болѣе подходитъ къ общему настроенію молодежи. Щедринъ—это нашъ Вольтеръ а Достоевскій — Руссо, и вліяніе его скажется черезъ двадцать, тридцать лѣтъ. Читаетъ онъ и говоритъ мастерски, за душу хватается его тихій, надтреснутый голосъ, чувствуется, что передъ вами глубоко страждущій человѣкъ, даже больной человѣкъ, не шарлатанъ фразы, а глубоко несчастный человѣкъ. Вотъ почему рѣчи его производятъ такое громадное впечатлѣніе. Въ печати уже не то, впечатлѣніе улетучивается. Онъ, какъ и Аксаковъ, слишкомъ свысока относился къ западной цивилизаціи. Съ Аксаковымъ у меня были многія точки соприкосновенія. Во время Берлинскаго конгресса я написалъ статью и настаивалъ на томъ, что намъ не надо спрашивать согласія Европы. Статья моя пролежала нѣкоторое время въ редакціи «Новаго Времени» и, когда Аксаковъ разразился громовою рѣчью противъ Берлинскаго конгресса, оказалась уже не нужна, такъ какъ явилась бы повтореніемъ Аксаковскихъ словъ. Но я не сходилъ съ Аксаковымъ въ его взглядѣ на конституцію. Онъ называлъ это обносками Европы. «Не надо намъ обносковъ Европы», — сказалъ онъ въ своей рѣчи въ Петербургѣ—и весь залъ разразился рукоплесканіями. Все равно можно было сказать: не надо намъ и те-

лефона, беспроволочнаго телеграфа, ни аэроплана, потому что Московская Русь до этого не додумалась. Потомъ, когда я послалъ ему свое «Свободное слово», то онъ ко мнѣ относился такъ же хорошо, какъ и прежде, и терпимо относился къ моему посланію. Я, конечно, не могъ относиться сочувственно къ аксаковскому призыву «Домой». Куда «Домой», когда старая дорога уже уничтожена преобразованіемъ Петра: и какъ осуществить свободу мнѣнія, о которомъ мечтаютъ старые славянофилы, при несвободныхъ учрежденіяхъ. Земскіе же соборы ничѣмъ не отличались отъ генеральныхъ Штатовъ во Франціи и другихъ представительныхъ собраній въ Европѣ. Это была только извѣстная стадія развитія, а теперь, когда конституціонное движеніе охватило Турцію, Персію и даже Китай, куда мы вернемся? Вѣдь оригинальнаго, своего въ Московской Руси было мало, потому оно такъ легко уступило мѣсто западно-европейской цивилизаціи.

Изъ интересныхъ людей, встрѣчаемыхъ въ то время, былъ и Глѣбъ Успенскій. Я въ первый разъ его увидѣлъ въ Сербіи (онъ былъ, кажется, корреспондентомъ), потомъ онъ поселился въ Сопкахъ, находящихся въ 7 верстахъ отъ Сухого¹⁾. Онъ описалъ свои впечатлѣнія, и одно у него названо «Слѣпое Литвино». Онъ жилъ со всей семьей въ избѣ богатаго крестьянина, и я также посѣщалъ его въ это время.

Г. И. Успенскій.

Перечитывая теперь его произведенія, я стараюсь припомнить что-нибудь характерное и яркое объ этомъ писателѣ. И вспоминается очень мало. Онъ, какъ и многіе писатели, берегъ всѣ свои впечатлѣнія, свои интересныя мнѣнія для публики. Конечно, онъ отзывался о событіяхъ дня, объ «Исповѣди» Толстого и проч. Иногда онъ высказывался довольно подробно о томъ, что его занимало, но уже гораздо полнѣе и болѣе обдуманное я читалъ въ очередной книжкѣ «Отечественныхъ Записокъ». Я бывалъ у него очень часто и иногда слышалъ его жалобы. Онъ мечталъ не отдохнуть, нѣтъ, этого онъ не хотѣлъ, но ему претила срочная работа въ «Отечественныхъ Запискахъ», за которую онъ получалъ гонораръ. И онъ мнѣ говорилъ, какъ онъ откладываетъ эту работу до послѣдней возможности, а затѣмъ засядетъ на всю ночь. Работалъ онъ, обыкновенно, ночью, такъ какъ на петербургской квартирѣ, при тѣснотѣ и при массѣ дѣтей, не было возможности сосредоточиться днемъ, ни сдѣлать что-нибудь нужное. Потомъ,

¹⁾ Имѣнія автора воспоминаній.

когда онъ поселился въ Чудовѣ, кажется дѣла его пошли лучше. До этого времени у него не хватало денегъ и онъ часто перехватывалъ у меня, но у меня самого было немного, Читая громадный матеріаль, собранный Успенскимъ, меня беретъ зависть. Вотъ человѣкъ, который имѣлъ громадный опытъ, толкался среди такой умопомрачительной массы людей, что просто изумительно. Моя жизнь прошла, если можно такъ выразиться, среди чистой публики. Находясь въ имѣніи, я бесѣдовалъ то съ тѣмъ, то съ другимъ крестьяниномъ (я любилъ съ ними бесѣдовать), но они не забывали, что я баринъ. Затѣмъ, если я путешествовалъ, то всегда ѣздилъ въ первомъ классѣ. Даже тогда, когда я разорился, я жилъ въ деревнѣ и не спустился до подонковъ, до дна (горьковскаго), не спился съ кругу, какъ мой двоюродный братъ, а затѣмъ я опять очутился въ извѣстномъ кругу, въ 1886 году я уже былъ на заграничной службѣ, и такъ оставался до 1909 г. Россію я посѣщалъ урывками и многое понимаю, но до дна никогда не спускался, и объ этомъ я всегда сожалѣю. Многое для меня осталось сокрытымъ.

Успенскій, имѣя такой громадный матеріаль, по моему мнѣнію, создалъ мало художественныхъ шедевровъ. У него не было на это времени, и онъ, сырой матеріаль, человѣческій документъ, передавалъ читателю съ извѣстнымъ соусомъ, со своими мыслями,—потому что пить-ѣсть надо и дѣтей воспитывать, гдѣ тутъ создавать шедевры... Успенскому я надоѣдалъ своими писаніями и имѣлъ отъ него письма по этому поводу... Видѣлся я у него съ Кривенко, который взялся помѣстить мой рассказъ «Капризъ», но номеръ журнала былъ конфискованъ и вмѣстѣ съ нимъ мой литературный опытъ.

1.

Петербургъ, 15 Января.

Милостивый Государь, Григорій Александровичъ.

Очень благодарю Васъ за память обо мнѣ. Не писалъ Вамъ и не отвѣчалъ на Ваше письмо такъ долго потому, что получилъ пакетъ съ Вашей статьею только на дняхъ; я большею частью зиму провожу въ деревнѣ подъ Новгородомъ, а въ редакцію «Русское Богатство» почти не захожу. Статейку Вашу я прочиталъ, но думаю, что къ печати, по крайней мѣрѣ, въ большой журналъ она неудобна; въ настоящее время можно уже п р я м о, не прибѣгая къ исключительной формѣ, говорить о нуждахъ народа и даже слѣдуетъ говорить о нихъ, какъ можно прямѣе, и яснѣе, и рѣзче.

Печатать же въ какомъ-либо изъ мелкихъ изданій не стоитъ. Да я увѣренъ, что Вы и сами этого не пожелаете. Что же касается до Вашего романа, то присылайте его непременно, не имѣю ни малѣйшаго сомнѣнiя, что онъ въ высшей степени интересенъ и что его помѣстятъ безъ затрудненiя: кромѣ От. З., въ нашемъ распоряженiи находится съ новаго года и журналъ «Слово». Говорю н а ш е м ъ потому, что въ редактированiи его будутъ участвовать почти тѣ же сотрудники, что и въ От. З., Дѣлѣ и Рус. Б. Но если Вы пожелаете выслать его, то посылайте прямо мнѣ и по слѣдующему адресу: Большой Царскосельскiй проспектъ, д. № 105, кв. 25.

Если романъ будетъ высланъ, то согласитесь ли Вы на нѣкоторыя поправки или измѣненiя? Въ случаѣ какихъ-либо крупныхъ измѣненiй—я обязуюсь Васъ увѣдомить, и они будутъ сдѣланы не иначе, какъ съ Вашего согласiя.

Въ ожиданiи Вашего отвѣта прошу Васъ быть увѣреннымъ въ глубокомъ къ Вамъ уваженiи Г. Успенскiй.

2.

Григорiй Александровичъ! Романъ Вашъ я прочиталъ: онъ написанъ лучше «Броженiя», но все-таки, Вы бы много могли въ немъ убавить и многое прибавить. Прибавить необходимо главы двѣ о Петрашевскомъ, о его кружкѣ. Это дастъ роману значительный интересъ; материалы для этого есть въ «Русской Старинѣ» и т. д. Да и лично у Васъ вѣроятно есть также. Кромѣ того, прибавить о Петр. необходимо въ виду явнаго перерыва между 3-й и четвертою частью. Убавить же необходимо тѣ, чисто семейныя, фамилiйныя черты и отношенiя въ сем. Ногайцевыхъ, которыя не имѣютъ типическаго интереса относит. того времени, напр., 1-ю главу 4 части. Зачѣмъ такiя подробности? Онѣ могутъ быть въ слѣдующихъ частяхъ. Начало романа также надобно 1-ю главу посократить и ярче выставить студенчество того времени. Это необходимо для того, чтобы фигура Петрашевскаго и его товарищей была ярче, и, чтобы вообще ярче было время 40-хъ годовъ.

Въ виду всего этого убѣдительно прошу Васъ: у Васъ есть цѣлый iюнъ мѣсяць (Вы сказали, что въ iюнѣ Вамъ деньги не нужны), чтобы все это передѣлать и заполнить недописанныя мѣста. Романъ долженъ прочесть Александръ Михайловичъ Скабичевскiй, который всѣ лѣтнiе мѣсяцы будетъ завѣдывать редакциею, но я увѣренъ, что и онъ пожелалъ бы также нѣкоторыхъ измѣненiй, именно тѣхъ, кои я указалъ выше.

Кромѣ того, дайте, пожалуйста, А. М. Скабичевскому, нѣкоторое время на прочтенiе: онъ дастъ Вамъ полезнѣйшiе совѣты.

Романъ «*Полная Чаша*» я препровождаю въ редакцію жур. «*Слово*» съ письмомъ къ А. М. Скабичевскому и С. Н. Кривенко. Прошу Васъ сначала повидаться съ послѣднимъ (Невскій, 131, кв. 8, лучше всего до 1 ч. дня, и потомъ вечеромъ, часовъ съ 7-ми и въ ред. Поварской пер. часа въ 2. Но лучше всего дома). У Васъ задумана превосходная вещь, — говорю это Вамъ съ полною искренностью, но она разбросана, растянута, словомъ, писана начерно. Не пожалѣйте потомъ, когда хорошій планъ и хорошій матеріалъ пройдутъ незамѣченными или замѣченными мало. Я бы на Вашемъ мѣстѣ передѣлалъ все собственной рукой отъ первой строки до послѣдней — и оба романа. 40-е, 60-е и 70-е годы — вотъ три эпохи, которыя можно, съ Вашимъ матеріаломъ, очертить великолѣпно. *Отдѣлывая вполне тщательно*, главы по три къ каждому мѣсяцу, т.-е. листа по три печ., Вы бы могли печатать романъ года два, съ постояннымъ интересомъ для читателей и, въ концѣ-концовъ, получилась бы капитальная вещь. Впрочемъ, какъ хотите. Наконецъ, есть еще одна бѣда: денегъ теперь въ «*Словѣ*» мало и платить оно будетъ плохо. Вотъ, что могу сказать Вамъ по совѣсти.

Уважающій Васъ.

Г. Успенскій.

3.

Многоуважаемый Григорій Александровичъ!

Вчера меня извѣстили, что Ваши статьи, т.-е. рассказъ и романъ, возвращены Вамъ и напечатаны быть не могутъ.

Изъ такого скорога отвѣта я заключаю, что Салтыковъ, которому я передалъ эти вещи лично въ присутствіи Кривенко, не могъ за недосугомъ прочитать ихъ и вѣроятно поручилъ Скабичевскому, а Скабичевскій, какъ Вамъ извѣстно, уже читалъ ихъ.

А такъ какъ Вы и сами говорили, что романъ Васъ уже не удовлетворяетъ, то я не думаю, что отвѣтъ редакціи для Васъ будетъ неожиданнымъ. Съ своей стороны я сдѣлалъ, что могъ, а чего не могъ на томъ прошу не взыскивать.

Вашъ Г. Успенскій.

На дняхъ я, кажется, подпишу контрактъ съ Баксомъ относительно продажи полнаго собр. моихъ очерковъ, и тогда у меня будутъ деньги. Ужасно, ужасно виновать я въ этомъ отношеніи передъ вами. Что дѣлать — нужда.

4.

Многоуважаемый Григорій Александровичъ!

Обращаюсь къ Вамъ съ покорнѣйшею просьбой: дѣло въ томъ, что, по разнымъ обстоятельствамъ, я не успѣлъ приготовить работы къ № 5 «От. З.». Главнымъ образомъ это произошло отъ того, что, я просто утомился, и мнѣ надобно вздохнуть, хотя съ мѣсяцъ. Половина работы уже набрана, но я *никакъ* не могу дописать до конца, особливо побывавъ въ деревнѣ, откуда возвратился только вчера. Вотъ почему я обращаюсь къ Вамъ съ покорной просьбой нельзя ли мнѣ при Вашемъ посредствѣ добыть рублей 150 до 20 іюня. Въ іюнѣ работа у меня будетъ и должна быть. Кромѣ того, къ 20 или 25 числу іюня и Слово получить 6 тыс. руб., причемъ я всегда могу взять тамъ такую сумму. Теперь же въ *Словъ* едва-едва хватаетъ, и то съ величайшими урѣзками, на необходимые расходы. Даже майская книжка будетъ оплачена только въ іюнѣ.

Я очень понимаю, какъ моя просьба неприятна, но я обращаюсь къ Вамъ съ ней потому, что и я самъ всегда готовъ служить Вамъ чѣмъ только могу.

Съ «От. Зап.» у меня особые счеты, которые я нарушать не желаю.

Если можно — не откажите отвѣтить на это письмо.

Пожалуйста, будьте увѣрены, что если Вы и не найдете возможнымъ исполнить мою просьбу, то это нисколько не измѣнитъ Вашихъ ко мнѣ отношеній и меня вовсе не обидитъ.

Мнѣ хочется сейчасъ же уѣхать въ деревню и немного отдохнуть. Тамъ я внимательно займусь романомъ вашимъ, и думаю, что печатать его лучше всего съ іюля, такъ какъ только въ концѣ іюня будутъ деньги, да и лучшія части появятся осенью.

Во всякомъ случаѣ, пожалуйста, простите за это письмо и по прежнему будьте увѣрены въ искреннемъ моемъ къ Вамъ уваженіи.

Г. Успенскій.

5.

Вторникъ 27 августа.

Григорій Александровичъ!

Мнѣ крайне, крайне необходимо было бы достать рублей 50 до выхода 2 № «От. Зап.». т.-е. до 14—15 числа февраля — можете ли Вы мнѣ помочь въ этомъ дѣлѣ? Будьте увѣрены, что я уплачу эти деньги немедленно по выходѣ книжки. Этимъ Вы

меня чрезвычайно обяжете. Если можно, передайте Вашъ отвѣтъ чрезъ Чудновскаго. Я былъ сегодня у Васъ два раза въ 11 и 12, и оба раза не пришлось Васъ видѣть.

Преданный Вамъ
Г. Успенскій.

6.

10 апрѣля, 1879 г.,

Многоуважаемый Григорій Александровичъ!

Сегодня, 8-го мая, только что пришли вещи, между которыми, въ числѣ книгъ и бумагъ, были положены и Ваши рукописи. Слѣдовательно, я только теперь могъ начать чтеніе ихъ. Сегодня же я примусь за 4-ю часть и непременно напишу Вамъ по поводу ея. Вещи и книги пришли такъ поздно потому, что дворникъ, который ихъ отправлялъ — отправилъ ихъ товаромъ малой скорости.

15 числа утромъ я приѣду въ Петербургъ, и весь день буду ждать отъ Васъ извѣстій. Я крайне нуждаюсь теперь. Переѣздка 10-ти человекъ, съ наемомъ дачи, съ тысячею мелкихъ расходовъ, стоила мнѣ ужасно дорого, и вотъ почему, Бога ради извините меня, если я вновь попрошу Васъ—не отказать мнѣ помочь въ такое трудное время. Я отдохну немного и очень скоро справлюсь.

Если адресъ мой Вамъ понадобится до 15, то вотъ онъ: на ст. Волховъ, Ниж. жел. дор., шкиперу парохода «Красотка» для передачи на дачу Ковровцева, противъ Селищенскихъ казармъ Г. И. У.

Пожалуйста, извините, извините и еще разъ извините, что я, ничего для Васъ не сдѣлавъ, пристаю съ моими просьбами. Я сдѣлаю съ величайшимъ удовольствіемъ все, что только могу. Будьте въ этомъ увѣрены.

7.

8 мая, 1881 г.

Многоуважаемый Григорій Александровичъ!

Я сію минуту уѣзжаю на нѣсколько дней по весьма важному дѣлу. Вотъ почему не могу написать Вамъ обѣщаннаго письма сейчасъ, но съ дороги напишу, а лучше если бы были снисходительны и погодили моего возвращенія, я возвращусь скоро, очень скоро.

Но убѣдительно прошу Васъ не отказать въ томъ, о чемъ я просилъ Васъ; я возвращаю все очень скоро съ благодарностью. Теперь оставляю дома очень мало денегъ, такъ какъ долженъ взять съ собой по возможности больше, и вотъ почему присылка Ваша будетъ крайне нужна.

Адресъ такой: на ст. Новгород. ж. д., ст. Спасская Полисть, Александръ Васильевнѣ Успенской.

Искренно Вамъ преданный
Г. Успенскій.

8

Григорій Александровичъ! Обращаюсь къ Вамъ съ покорной просьбой: по разнымъ обстоятельствамъ я не могъ и не могу зайти за рукописью: не будете ли добры прислать мнѣ ее? Не откажите, пожалуйста, въ этой покорной моей просьбѣ. Кромѣ того, позвольте мнѣ прислать къ Вамъ того молодого человѣка, который желаетъ имѣть мѣсто писаря, чтобы Вы сами могли видѣть каковъ этотъ человѣкъ?

Искренно Васъ уважающій
Г. Успенскій.

Какъ вы нашли письмо?

9

Многоуважаемый Григорій Александровичъ!

Получилъ Вашу телеграмму и буду Вамъ глубоко благодаренъ, если окажется возможнымъ исполнить мою просьбу. Относительно Вашего романа, скажу еще разъ: позвольте мнѣ немного отдохнуть, и я все сдѣлаю, что сочту нужнымъ для того, чтобы исполнить Ваше желаніе. Лишь бы Вы не торопились печатаніемъ. Въ романѣ многое надо передѣлать, какъ я вамъ уже говорилъ, и все это лучше всего сдѣлать не спѣша, опять-таки въ томъ расчетѣ, чтобы печатать съ іюля или даже августа. По моемъ отъѣздѣ въ городѣ останется небольшая квартира въ томъ же домѣ по той же лѣстницѣ и въ томъ же этажѣ, какъ разъ напротивъ моей теперешней кв. 14. Въ воскресенье буду ждать Вашего отвѣта, ужъ на этой квартирѣ. Семья уѣдетъ раньше.

Искренно Вамъ преданный
Г. Успенскій.

10

Григорій Александровичъ!

Ваша работа находится въ ред. «Отеч. Записокъ», изъ которой Вы и получите отвѣтъ. Я уѣзжая просилъ одного господина справиться, и отвѣтъ Вы должны были бы имѣть въ прошлый еще понедѣльникъ, вѣроятно онъ забылъ. Это письмо Вы получите въ воскресенье и поэтому, чтобы не являться въ редакцію въ понедѣльникъ, когда тамъ получка и ничего толкомъ не добьешься, и Салтыковъ всегда сердится, будьте добры съѣздить съ прилагаемымъ письмомъ въ ред. сегодня, въ воскресенье, лучше всего до часу вручите письмо А. Н. Плещееву и отъ него получите отвѣтъ.

Романъ Вашъ я дочитываю и привезу его въ Петербургъ на этой недѣлѣ.

Вашъ преданный Вамъ
Г. Успенскій.

11

Григорій Александровичъ!

Пожалуйста, не примите на свой счетъ того нервнаго раздраженія, которое Вы не могли не замѣтить во мнѣ сегодня. Ничего иного, кромѣ самаго искренняго уваженія я къ Вамъ не могу имѣть. Но я, дѣйствительно, ужасно боленъ, а сегодня цѣлый день буквально я не имѣлъ минуты свободной отъ людей, которые, зная, что мнѣ надобно работать, читать корректуру, иначе Салтыковъ будетъ взбѣшенъ, и о чемъ же съ ними говорить,—цѣлый день болтаютъ Богъ знаетъ о чемъ. Вотъ причина того состоянія, въ которомъ я находился. Завтра къ 9 час. Вы будете имѣть совершенно окончательный отвѣтъ.

Преданный Вамъ
Г. Успенскій.

Учрежденіе генераль-губернаторства, хватаніе каждаго подзрительнаго лица не обѣщаетъ ничего хорошаго. Соловьевъ будто бы сказалъ: «меня будетъ судить потомство». Взяли, говорятъ, Философова ¹⁾. У Салтыкова (Щедрина) произвели обыскъ и онъ, пока была у него полиція, расхаживалъ по комнатѣ и пѣлъ «Слався, слався Святая Русь!» ²⁾. Все это можетъ быть относится къ области миѳовъ, но интересно, что такіе слухи ходятъ.

¹⁾ А. П. Философова должна была уѣхать за границу зимою 1879—80 г. В. Стасовъ, Н. В. Стасова. Спб. 1899, стр. 323—4, 327. *Ред.*

²⁾ Обыска у Салтыкова не было. *Ред.*

Русское общество на распуты.

Не знаю, кто-то изъ французской аристократіи сказалъ про свое сословіе: «Мы кончили, благодаря французской революціи, въ кровавомъ потокѣ, а то бы кончили въ грязи». Это примѣнительно къ нашему помѣстному сословію. Стоитъ только внимательно перечестъ суд. процессы Гулакъ-Артемовской, Юханцева и другихъ, чтобы примѣнить эти слова къ нашему дворянству. Пословица говорить «лежачаго не бьютъ», но наша журналистика затянула свою пѣснь о томъ, что помѣщики—притѣснители. Что это за нападки на сословіе, которое уже близко къ своей ликвидаціи. До 1861 г. дворянство было все. Жалобы на крѣпостниковъ, на помѣщиковъ были тогда умѣстны — потому что былъ объектъ. А теперь объектъ лежитъ въ предсмертныхъ корчахъ, а журналисты поютъ ту же пѣсенку. Обиліе банковъ, желѣзныхъ дорогъ создало цѣлое сословіе людей легкой наживы. Выростаетъ и купечество, кулачество у крестьянъ. Но журналисты нападаютъ на нихъ мимоходомъ, достается все же тому помѣщику. Кто же не знаетъ, что русскій помѣщикъ изъ умныхъ постарается промѣнять тяжелый удѣлъ землевладѣльца на либеральную профессію адвоката, обирающаго своихъ кліентовъ, на концессионера, живущаго въ Ниццѣ на свои милліоны, на директорскія мѣста въ банкахъ съ громадными окладами. Тѣ, которымъ это не удалось, поступили на казенную службу и все свое вожделѣніе видѣли въ громадномъ жалованіи, въ прогонныхъ и подъемныхъ деньгахъ.

Отчего эксплуатація труда въ другихъ видахъ не возбуждаетъ негодованія? Потому, что русскій народъ привыкъ всегда за неимѣніемъ дѣла пробавляться фразою.

Другой ораторъ-радикаль въ гостинной уже давно, при наступленіи ликвидаціи крѣпостного права, спустилъ своихъ крестьянъ и обратилъ ихъ въ различные источники, акціи. Въ гостинныхъ можно ораторствовать о благѣ меньшого брата и изъ своего достатка удѣлять ежегодно 10 р. Общество находится, дѣйстви-тельно, на распуты: кто требуетъ конституціи, кто желаетъ соціальной революціи, кто желаетъ, по примѣру Фамусова, всѣ книги взять да сжечь.

Не надо забывать, что дѣло настоящее, данное въ руки нашему обществу, можетъ быть, излѣчить его отъ фразы, отъ гоньбы за словомъ. Но если въ новые мѣха перелить старое вино, то будетъ то же самое. Говоритъ человѣкъ хорошо на каедрѣ, въ гостинной, но дай ему дѣло въ руки, онъ тогда и думаетъ, какъ бы полнѣе сколотить состояніе и сдѣлаться капиталистомъ... Пока будутъ

человѣка величать за то, что онъ сказалъ, а не за то, что онъ сдѣлалъ, русское общество будетъ идти къ паденію.

Что такое дворянинъ? Развѣ онъ не былъ лучше тѣхъ, которые теперь измышляютъ себѣ, какъ бы поживиться на чужой счетъ. Иной владѣтель крупнаго журнала только и думаетъ, какъ бы обобратъ своихъ сотрудниковъ, заставить ихъ поработать на себя. Дворянство, по моему мнѣнію, сослужило свою службу передъ русскимъ народомъ. Вспомнимъ имена Радищева, Декабристовъ, людей убѣжденныхъ въ святости своихъ идеаловъ и начавшихъ прежде всего быть строгими отношеніями къ себѣ. Но много ли такихъ людей?

Только нелицеприятный и безпристрастный судъ отдѣлить псевдо-героевъ отъ настоящихъ героев, которые по выраженію Карлейля, показываютъ саможертвованіе ради идеи и забываютъ свое личное я... Онъ выставляетъ нѣсколько чистыхъ и безупречныхъ людей въ родѣ Грановскаго, Бѣлинскаго.

1 Июнь 1879 г.

Я былъ въ Москвѣ. Все общество находилось подъ впечатлѣніемъ послѣднихъ мѣропріятій генераль-губернаторства и т. д., говорятъ объ арестахъ. Лесевичъ посланъ въ Восточную Сибирь. Въ народѣ ходятъ слухи о передѣлѣ земли. Въ Харьковской губерніи мужики толкуютъ, что царь недоволенъ молодыми дворянами и отберетъ имѣнія отъ отцовъ. То же толкуютъ въ Новгородской губерніи. Рассказывалъ мнѣ еще Лихачевъ, недавно прибывшій изъ Болгаріи о настроеніи публики. Въ Полтавѣ играли «Боже Царя Храни», но не раздалось аплодисментовъ, а гимнъ прошелъ при мертвомъ молчаніи. Лорисъ-Меликовъ, пріѣхавшій въ Полтаву, былъ привѣтствованъ криками «ура»; онъ сказалъ тогда присутствовавшимъ: «Меня прислали ихъ вѣшать, а они кричать «ура», какъ я повѣшу ихъ?»

Аксаковъ очень сердитъ на статью Ковалевскаго о моей брошюрѣ (за одинъ намекъ о немъ) и говоритъ, что эти господа, Пыпинъ и проч., хотятъ взять Славянское дѣло въ свои руки съ тѣмъ, чтобы преподнести Славянамъ Огюста Конта въ худомъ русскомъ переводѣ. Мнѣ все равно, кто возьметъ этотъ вопросъ въ свои руки, — Пыпинъ или Аксаковъ; Славяне сумѣютъ сами различить что имъ нужно: Огюстъ Контъ или Четьи-Минеи. Какая это охота всегда опекаеть тѣхъ, кого мы любимъ. Нашъ народъ также, если получить развитіе, будетъ знать, какое направленіе избереть. Ковалевскій высказался какъ конституціоналистъ. Говорилъ, что Градовскій пользуется гг. Аксаковыми и tutti, quanti, чтобы выхватить министерскій портфель.

Хочу подвергнуть разбору абсолютныя начала въ политикѣ и политической экономіи.

Кому полезна свобода торговли? Протекціонизмъ выдвигаетъ богатыхъ фабрикантовъ, но помогаетъ ли онъ массамъ?

Что лучше, конституціонализмъ или социализмъ? Возможенъ ли конституціонализмъ съ полнымъ счастьемъ массъ? Социализмъ, доведенный до крайности, спасетъ ли человѣчество?

Соціальная теорія имѣетъ свой разумъ бытія, какъ теорія, исправляющая соціальное зло.

Она вводитъ въ жизнь начала чужелобія, такъ же какъ и христіанство это проповѣдывало, она вырываетъ изъ рукъ фабриканта дѣтей, женщинъ, сокращаетъ рабочіе часы, можетъ даже дойти до фабрикъ рабочихъ съ государственной субсидіей. Она можетъ смягчить неравенство, но отмѣнить его не можетъ.

Гёте, Наполеонъ и прочіе будутъ всегда господствовать надъ своими братьями, а мелкіе таланты будутъ эксплуатировать ихъ. Если христіанство, какъ религія, привело къ торжеству формы, обряда надъ сущностью—надъ прекрасными описаніями самопожертвованія и любви, то это же способна сдѣлать одна научная теорія, основанная, положимъ, на силѣ, на всемогуществѣ массы...

Пребываніе въ Москвѣ до Января 1880 года.

Видѣлся съ *Мимою*. Онъ убѣжденъ въ томъ, что и въ Росіи можетъ быть революція. Я оспаривалъ это мнѣніе, но онъ доказывалъ, что революціонный элементъ есть и въ русскомъ обществѣ. Развѣ деревня дѣлаетъ революцію, говорилъ онъ. Революцію дѣлаютъ большіе города. Лѣтъ черезъ двадцать можетъ произойти революція; показывалъ мнѣ очень интересное письмо студента Петра Ал.... Письмо заключалось въ ссылкѣ на статью Вальбера (*Revue des deux Mondes*). Вотъ въ мое время студенты не читали *R. d. d. M.*, замѣтилъ онъ... Письмо указываетъ на развитіе политическаго протеста въ разныхъ словіяхъ... Политическая революція заслоняетъ собою соціальную.

Разсказывалъ про Цитовича много анекдотовъ. Онъ былъ прежде *ultra nihilist* и считалъ чистое бѣлье за преступленіе. Теперь же побѣгъ жены и честолюбивые виды заставили его измѣнить свои взгляды. Если бы у меня было 2,000 рублей, сказалъ Цитовичъ, я бы бросилъ эту страну, въ которой ни сверху, ни снизу нельзя ждать ничего хорошаго. Какъ это Вы, имѣя хорошее состояніе, продолжаете жить въ этой пакостной странѣ? Цитовичъ ужасный *mauvais genre*, семинаристъ, характера невыносимаго

и непріятнаго, и немудрено, что жена его бросила. К. не сошелся съ редакціею «Русской Мысли». Онъ очень рѣзокъ, у него много *verve* въ выраженіяхъ, и онъ не щадитъ никого своимъ языкомъ. Это дѣлаетъ ему много враговъ. Онъ говорилъ, что Юрьевъ у него въ карманѣ, издѣвался надъ его программю и тотъ, и Лавровъ стали на дыбы. Къ «Р. М.» присоединились Гольцевъ, Ключевскій и нѣсколько другихъ. Поговаривали объ избраніи въ Государственный Совѣтъ членовъ отъ земства. К. издѣвается надъ этимъ и говоритъ, что онъ не пойдетъ въ русскій парламентъ. Онъ тогда начнетъ издавать газету и посмотреть, что изъ этого будетъ. Говорилъ я съ Юрьевымъ, и онъ согласенъ на конституціонную точку зрѣнія, только на русскихъ началахъ. Это, положимъ, сентиментализмъ, другой точки зрѣнія, кромѣ обыкновенной англійской и быть не можетъ. Если будетъ только совѣщательный голосъ за соборомъ, то это будетъ только одна комедія.

Я написалъ статью и послалъ ее Суворину, который ее помѣстилъ подъ заглавіемъ «На распутьи незнанія (заглавіе мое было «На распутьи славянства)». Въ своей статьѣ я старался избѣгнуть всякихъ рѣзкостей, что было даже замѣчено Боборыкинымъ. Потомъ мы встрѣтились съ Боборыкинымъ у Ковалевскаго, но сближенія между нами не произошло. Въ это время въ Москвѣ мой пріятель В. Ф. Миллеръ затѣялъ вмѣстѣ съ Ковалевскимъ журналъ «Критическое Обзорѣніе». Я тамъ помѣстилъ нѣсколько статей. У Муромцева въ «Юридическомъ Вѣстникѣ» я помѣстилъ свою статью «Предшественники Адама Смита въ Италіи».

Троюродный братъ мой, Николай Антоновичъ Вогаць, женился на сестрѣ Муромцева. Въ Москвѣ я бывалъ у Аксакова, у Кошелевыхъ и у молодыхъ профессоровъ, которые иногда собирались у В. Ф. Миллера. Замѣтнѣе всѣхъ была личность М. М. Ковалевскаго, и тогда я пророчилъ ему великую будущность. Когда собралась первая Дума, то мнѣ казалось, что онъ сыграетъ первую роль. У него есть ораторскій талантъ и умъ государственнаго человѣка. Но предсѣдателемъ первой Думы былъ избранъ Муромцевъ...

Я приходилъ въ восторгъ отъ его остроумной бесѣды, отъ неистощимыхъ остротъ, *verve* и умѣнья однимъ штрихомъ охарактеризовать того или другого дѣятеля. Обладая значительнымъ состояніемъ, онъ много путешествовалъ, зналъ многихъ выдающихся людей Западной Европы, рассказывалъ про нихъ интересные анекдоты... Обладая даромъ слова, онъ писалъ тяжело, какъ говорилъ тогда Миллеръ.—Надо его заставить писать романы, сказалъ Миллеръ шутя, намекая на то, что я

писалъ романы. Муромцева я мало зналъ, но когда я съ нимъ встрѣчался то онъ не поражалъ меня своими блестящими способностями. Онъ не былъ остроумнымъ собесѣдникомъ, какъ Ковалевскій. Онъ былъ похожъ на основательнаго нѣмецкаго ученаго, но безъ проблеска генія.

Видѣлъ я Домонтовича (тонкаго юмориста). Люблю слушать его юмористическіе рассказы о князѣ Черкасскомъ, о просвѣтителѣ Болгаріи. Когда потребовались люди для Болгаріи, то кн. Черкасскій обратился къ Игнатьеву и тотъ сдѣлалъ длинный списокъ всѣхъ чиновниковъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, которые, лишившись по случаю войны мѣстъ, могли бы съ пользою занять губернаторскія мѣста. Черкасскій скоро разочаровался въ назначенныхъ чиновникахъ. Какъ-то разъ пріѣзжаетъ Д. и видитъ Черкаскаго въ большой ярости. Черкасскій подскакиваетъ къ нему и говоритъ: «Вы мнѣ говорили, что это идиоты». Что же? «Нѣтъ, это кретины, зачѣмъ вы не сказали, что это кретины, я бы ихъ не взялъ». Вотъ вамъ и первый опытъ администраціи Болгаріи.

Отдѣленіе Восточной Румеліи послужило въ пользу Болгарскому княжеству по отношенію къ конституціи. Противниковъ конституціи было много,—и разъ Восточная Румелія получила конституцію, то и намъ нельзя было отстать въ этомъ дѣлѣ...

Я не знаю, рассказывалъ ли я, какъ представлялась болгарская депутація государю. Черкасскій хотѣлъ, чтобы было побольше и потому собралъ по Бухаресту кого попало. Дали имъ фраки. Послѣ представленія государю, многіе изъ этихъ господъ исчезли вмѣстѣ съ фраками. Не напоминаетъ ли это Оффенбаховскую оперетку?

Появляются «Народная Воля» и прокламаціи. Бестужевъ-Рюминъ находитъ, что анархія уже существуетъ. Власти не могутъ найти типографіи.

Государь гуляетъ въ саду Аничковскаго дворца, ѣздитъ не иначе, какъ окруженный казаками... Схватили сначала одну, потомъ другую типографію... Общество относится довольно равнодушно ко всему этому. Игра въ винтъ преобладаетъ и царить... Въ Лештуковомъ переулкѣ найденъ динамитъ и планъ Зимняго дворца... Значеніе революціонной партіи растетъ въ глазахъ общества отъ той массы рассказовъ, анекдотовъ, которые ходятъ по городу. Въ высшемъ обществѣ избѣгаютъ говорить объ этомъ, боясь административныхъ высылковъ и тому подобное... Съ одной стороны страшатся революціонеровъ, съ другой — той власти, которую призваны спасать.

Но, вотъ случился взрывъ въ Зимнемъ дворцѣ... Вещь небывалая и исполнена замѣчательно умно. Обвиняють К. Н. Онь, говорятъ, уѣхаль въ этотъ день въ Кронштадтъ, бросилъ Засѣданіе Совѣта... Эта молва ходитъ среди очень образованныхъ и высокопоставленныхъ людей и среди народа...

До взрыва всѣ думали, что все окончилось. Типографіи забрала, и сдѣлано много арестовъ. Взрывъ показалъ, что дѣло еще далеко не приблизилось къ концу. Во дворцѣ въ самый день взрыва былъ ужасный переполохъ, всякій входилъ и выходилъ, кому угодно было. Не такъ было на другой день. Портной кн. Болгарскаго цѣлыя сутки пробылъ во дворцѣ. Его не выпускали. Разсматривая обломки, которые произошли отъ взрыва, можно было сказать, что это обломки монархизма въ Россіи. Авторитетъ пошатнулся въ общественномъ мнѣніи. Слышатся разныя мнѣнія. Одни требуютъ строгихъ мѣръ, сѣчь всѣхъ стриженныхъ, сажать ихъ, даже пытатъ всѣхъ заподозрѣнныхъ; другіе злорадно смѣются надъ этимъ. Но помощи отъ общества не видно. Появились, говорятъ, подметныя письма, обѣщающія поджечь Петербургъ и устроить такую иллюминацію, какой не было во времена Нерона*).

Полиція нагнала панику на Петербургъ. Вездѣ должна быть вода въ бакахъ, готовы фонари на тотъ случай, если газовый заводъ будетъ взорванъ... Многіе трепещутъ и стремятся убраться къ 19 февраля изъ Петербурга. Это стоустая молва разноситъ всякіе слухи. Кто говоритъ, что патронный заводъ взлетитъ, что Морская, Невскій, Фурштадтская минированы. А въ народѣ идетъ глухой ропоть, что во взрывѣ виноваты сановники, господа и что фабричные перевернуть вверхъ дномъ Петербургъ и будутъ бить всякаго въ нѣмецкомъ платьѣ. Говорятъ, что барки будутъ подожжены. Всѣ представляютъ себѣ, въ какой ярости будетъ народъ. Въ Государственномъ Банкѣ былъ переполохъ: слышны были подземные удары. Копали и дошли до воды. Удвоили караулы, приняли мѣры. Въ Волжско-Камскомъ банкѣ и въ другихъ банкахъ, которые обречены также гибели, тоже приняты мѣры. Такъ же и въ театрахъ, вездѣ розданы фонари. Паническій страхъ передавался, какъ чума, всему Петербургу. Всѣ находились какъ будто подъ впечатлѣніемъ страшнаго кошмара и не могли думать о чемъ-либо другомъ. Кто сочувствовалъ революціи, тѣ молчали или отпускали шуточки. — Эта памятная недѣля

---

*) Сохраняемъ сообщеніе разныхъ нелѣпныхъ толковъ и слуховъ только потому, что они характеризуютъ извѣстные слои общества.

была очень интересна въ томъ, что она взбудоражила всю Петербургскую буржуазію. Всѣ боялись или за жизнь, или за имущество. Кажется одна искра, и все бы пришло въ смятеніе. До того всѣ были наэлектризованы, что, услыша какой-нибудь грохотъ на улицѣ, собесѣдники становились бѣлѣ полотна. То же было и въ богатой гостиной, и среди простого народа. Всѣ чего-то боялись, чего-то ждали...

Благодаря Бога, все обошлось благополучно.—Выходъ блестятельный и многолюдный обошелся безъ всякаго скандала... На счетъ взрыва нѣкоторыхъ улицъ,—я никогда не придавалъ этому слуху никакого значенія. Чтобы произвести сумятицу, необходимо было убійство и на это нужна одна рука, а чтобы подорвать цѣлый городъ — для этого надо тысячи и тысячи заговорщиковъ... При «выходѣ» впускались всѣ безъ билета, и это, по-моему, большая неосторожность...

Вернемся назадъ... Вотъ зажглись огни. Въ каждомъ домѣ были зажжены свѣчи, транспаранты, вензеля; музыка, гремѣвшая повсюду; праздная и глазѣющая толпа—все это придавало городу какой-то праздничный, торжественный видъ. Только дворники, безотлучно стоявшіе на своихъ мѣстахъ, указывали на то, что не все въ порядкѣ, что нѣчто виситъ въ воздухѣ и ожидается. Вотъ царь поѣхалъ по Большой Морской въ закрытой каретѣ, въ сопровожденіи казаковъ. Толпа заколыхалась, и протяжное, неумолкаемое «ура» раздавалось въ воздухѣ.—Онъ бы проѣхалъ въ коляскѣ, да не по нынѣшнему времени,—сказала какая-то женщина изъ простонародья.—Чуялось что-то грозное... но какъ-то отлегло отъ сердца у cadaго, когда 19-е февраля прошло безъ событій и кончилась эта томительная, полная ожиданій, тяжелая недѣля отъ 1 до 19 февраля... Я самъ былъ свидѣтелемъ, какъ 18-го февраля взяли одного неизвѣстнаго, который похвалился убить царя. Эта недѣля прошла спокойно, но она оставила слѣдъ въ народныхъ думкахъ и не безслѣдно прошла въ исторической жизни народа... Воля и царь—вотъ что сложилось въ его мысляхъ. Кто желаетъ убить царя—господа, потому что онъ далъ волю. Это сѣмя, брошенное умѣлою рукою, можетъ взрасти въ чудовищно-грозный призракъ, если не будутъ остановлены пропагандисты возваніями къ общественнымъ силамъ и здоровою, нормальною общественною дѣятельностью... Земскій Соборъ, собранный изъ русскихъ людей—вотъ лучшее и самое дѣйствительное средство противъ всего подпольнаго, подземнаго, взрывательнаго... Какъ ни сильна была коммуна, но она была побѣждена Тьеромъ и партіею порядка... Я уповаю на Лорисъ-Меликова. Онъ, говорятъ, предлагалъ конститу-

ціонныя учрежденія, какъ самое дѣйствительное средство¹⁾. Можетъ быть ему удастся спасти насъ отъ нравственной анархіи²⁾. Нравственная анархія губительно отражается на всемъ нашемъ благосостояніи. При этомъ старый режимъ выкапываетъ такія неожиданности, какъ подарки изъ государственнаго казначейства по цѣлымъ милліонамъ. Что сдѣлалъ Грейгъ, а что онъ стоитъ Россіи? Что сдѣлалъ Абаза, а за него заплачено долговъ 800,000 руб... Дворцовое вѣдомство черезъ посредство Адлерберга взяло съ Новосельскаго взятку въ 1 милл. Гирсъ за свою ничтожность, посредственность получилъ имѣніе въ 4 т. десятинъ.

Часто я бывалъ у Пыпина и у Ореста Миллера, но тоже больше по своимъ литературнымъ занятіямъ. Съ Пыпинымъ мнѣ случилось говорить о томъ, какъ многое напоминаетъ въ Россіи подготовку французской революціи. Пыпинъ говорилъ, что этотъ процессъ очень продолжительный и врядъ ли скоро въ Россіи разразится буря, а никто изъ насъ не желалъ такого выхода. Это какъ тифъ, послѣ котораго нѣкоторые становятся здоровѣе, но тѣмъ не менѣе, вы не пожелаете тифа.

А. Н. Пыпинъ.

Съ нимъ я познакомился недавно. Онъ произвелъ на меня очень пріятное впечатлѣніе. Въ профиль онъ кажется суровымъ, но en face лицо пріятное и симпатичное. Онъ того мнѣнія, что въ Россіи надо заниматься или русскою исторіею, или славянствомъ. Говорилъ, что ему ужасно трудно было достать для своей Славянской Литературы книги галиційскія; цензура задерживала ихъ безъ толку; бібліотекою же Срезневскаго и Ламанскаго онъ не могъ пользоваться, потому что былъ въ нехорошихъ съ ними отношеніяхъ. Совѣтовалъ издать Угорско-

¹⁾ Лорисъ-Меликовъ предлагалъ только учредить комиссію для обсужденія законопроектовъ, вносимыхъ въ Государственный Совѣтъ, въ составъ которой должны были, кромѣ членовъ, назначенныхъ правительствомъ, войти выборные (одинъ или два) отъ губерній, гдѣ введены земскія учрежденія, и отъ городскихъ думъ (въ столицахъ по два, въ прочихъ городахъ по одному). *Ред.*

²⁾ Про Лорисъ-Меликова ходитъ много разсказовъ. — Изъ Харькова онъ ѣхалъ и сказалъ одному родственнику: «Нѣтъ, съ обществомъ надо считаться, это сила», — а послѣ пребыванія въ Петербургѣ заговорилъ другое: «Нѣтъ я ошибался — это такіе всѣ холопы». Если это правда, то это не дѣлаетъ чести его уму. Оппозиція въ Россіи и не можетъ высказаться активно — въ этомъ-то вся опасность для Правительства. Съ виду все холопы, а внутри недовольство существующимъ порядкомъ. На что же тутъ опереться, потому всѣ обращенія къ русскому обществу похожи на холостые выстрѣлы. Всѣ сознательно играютъ въ комедію вѣрнопопданства, подають адреса, а на дѣлѣ подкапываютъ самодержавіе. Противъ этого бороться невозможно.

Русскія пѣсни. Я указаль на трудность ихъ изданія. Кто будетъ ихъ читать? Въ журналѣ? Въ журналѣ трудно помѣстить статью о Славянствѣ... Онъ согласился съ тѣмъ, что наша публика ужасно невѣжественна, ничего не читаетъ и только бахвалится. О трудности помѣщать статьи онъ разсказаль случай съ Ровинскимъ (у котораго много знаній,—онъ посылаль статьи въ «Новое Время», но тамъ *бомбошки* какія-то нужны).—Я хотѣль,—сказаль Пыпинъ,—помѣстить его статью въ Вѣстникъ Европы, но Стасюлевичъ не согласился, говоря, что статьи о Славянствѣ мало читають.

Пыпинъ говорилъ о нелѣпости цензуры.—Она въ глупомъ усердіи дѣлаеть невозможнымъ борьбу съ другими взглядами.—Вотъ я,—сказаль Пыпинъ,—разобраль одну серьезную газету съ социалистическими тенденціями, и что же вы думаете? Редакція уже не получаетъ этого изданія!—

Какъ типъ умственный, Пыпинъ мнѣ нравится... Онъ сочувствуетъ славянству, находитъ, что въ Австріи больше свободы. Но когда я ему указаль на Венгрію, на Словаковъ, на Угорскую Русь, гдѣ господствуетъ шпіонство и самый невыносимый гнетъ, онъ согласился со мною.—Возьмите Прагу,—сказаль онъ,—гдѣ вы найдете такую свободу прессы въ Россіи?

I.

Павловскъ, 17 авг. 1881 г.

Многоуважаемый Григорій Александровичъ.

На дняхъ я имѣль удовольствіе получить ваше письмо. Къ сожалѣнію, затрудняюсь отвѣчать опредѣленно на ваши вопросы. Я не получаль и не видѣль того вашего труда ¹⁾, о которомъ нѣсколько времени назадъ было говорено въ «Порядкѣ»; слѣд. не имѣю понятія объ отношеніи его къ статьѣ, о которой вы говорите теперь,—и думаль, это одно и то же? Если одно и то же, то печатаніе было бы перепечаткой, а *это* во всякомъ случаѣ невозможно. Но очень жалѣю, что не видѣль до сихъ поръ упомянутаго вашего труда.

Что касается романа, я прочель его еще въ началѣ лѣта и жалѣю теперь, что не написалъ вамъ тогда же, по свѣжимъ впечатлѣніямъ; съ тѣхъ поръ мнѣ пришлось перечитать множество разнаго редакціоннаго матеріала, старое позабылось, а теперь могу передать вамъ только общее впечатлѣніе. Скажу вамъ

¹⁾ Онъ говоритъ о моей книгѣ, изданной за границей и запрещенной въ Россіи: «Свободное слово о современномъ положеніи въ Россіи».

прямо: романъ мнѣ не понравился,—герой—неясень (трудно разобрать, умный человекъ или совсѣмъ пустой, талантливый или только самонадѣянный и т. п.), рассказъ чрезвычайно растянуть; цѣль, т.-е. художественная, не видна; вообще, то, что я читалъ, показалось мнѣ матеріаломъ для романа, еще требующимъ обработки, но не романомъ... Можетъ быть, вы назовете меня вандаломъ, но говорю по совѣсти и крайнему разумѣнію, и считаю тѣмъ болѣе необходимымъ быть съ вами вполне откровеннымъ, что также откровенно выскажу свое сочувствіе вашей литературной дѣятельности, особливо новѣйшей.—Всего лучше было бы провѣрить мое впечатлѣніе черезъ другихъ читателей, нѣсколько компетентныхъ.

Когда Вы думаете быть въ Петербургѣ? Въ разговорѣ выяснилось бы гораздо лучше; а пока, не напишите ли Вы, въ какомъ отношеніи находится вашъ упомянутый печатный трудъ къ статьѣ, о которой Вы теперь говорите.

Въ сентябрьской книгѣ «В. Е.» идетъ вторая статья объ изученіи народности. Я былъ бы очень радъ слышать ваше мнѣніе, и, если случатся, возраженія или указанія на то, что (мало вѣроятно) пропущено и т. п.

Вамъ искренно преданный

А. Пыпинъ.

Чуть не забылъ сказать, возвращаясь къ роману, что талантливость въ немъ ни мало не отвергаю,—есть отдѣльныя черты прекрасныя и рассказъ живой,—но въ композиціи недостатки немалые, и на нее-то надо обратить особое вниманіе.

2.

Петербургъ, 9 февраля, 1882.

Многоуважаемый Григорій Александровичъ!

Начну съ историческаго изложенія. Когда я получилъ ваше письмо, съ послѣднимъ вопросомъ о вашемъ романѣ, и новый вашъ рассказъ, я тогда же передалъ романъ особѣ, доставившей письмо, а относительно рассказа обѣщаль дать въ скоромъ же времени отвѣтъ въ письмѣ къ Вамъ,—за которымъ та особа намѣревалась зайти.—Я обѣщаніе исполнилъ, какъ говорилъ, т.-е. тогда же прочелъ рассказъ, приготовилъ отвѣтъ Вамъ и оставилъ въ редакціи. Въ редакціи я бываю разъ въ недѣлю, въ пріемный день; и послѣ, дѣйствительно, не освѣдомился, заходила ли за отвѣтомъ та особа. Изъ теперешняго письма вашего заключаю, что Вы ни отвѣта, ни рассказа не имѣете; значитъ, за нимъ въ редакціи не заходили,—какъ это было уговорено. Завтра я буду

въ редакціи и сдѣлаю объ этомъ точную справку о разсказѣ и о новой вашей статьѣ.

Разсказъ, буду говорить откровенно, мнѣ не понравился. Сколько помню, при чтеніи я дѣлалъ карандашемъ отмѣтки; въ нихъ Вы увидите нѣкоторыя мои впечатлѣнія. Относительно замедленія отвѣта, какъ видите, вина не совсѣмъ моя.

Что касается исторической статьи, о ней надо переговорить обстоятельно. Ея тема мнѣ была очень пріятна, и она могла бы пойти въ журналъ; но предварительно я просилъ бы Васъ ее нѣсколько переработать—вотъ въ какомъ смыслѣ. Она вообще предполагаетъ въ читателѣ болѣе знанія историческихъ подробностей и лицъ, чѣмъ можно предполагать у русскаго журнальнаго читателя. Это отразилось и на изложеніи, которое стало отрывочнымъ—въ предположеніи, что читателю довольно намековъ. Я прочелъ дома рукописи, и по моимъ замѣткамъ Вы увидите, въ какихъ именно пунктахъ изложеніе требовало бы перемѣны.

Въ изложеніи вообще желательно было бы болѣе плавнаго разсказа, а не отрывочности и лаконичности реферата. При заглавіи книгъ не указано, гдѣ и когда онѣ вышли. О самомъ Вульскомъ надо указать болѣе его біографію; ея не знаютъ. Вступая въ разсказъ о революціи венгерской, (авторъ?) обязанъ давать читателю общую нить и къ ней уже присоединять эпизодическія частности изъ книги Вульскаго,—выдѣляя ихъ, чтобы онѣ не терялись среди вашихъ собственныхъ словъ, и т. д. Не говорю о томъ, что переписчикъ пропускалъ знаки препинанія; но очень важно въ такихъ случаяхъ не пропускать вносные знаки.

При этой переправкѣ, и кое-гдѣ дополненіи, желательно однако не очень расширять размѣра статьи. Длинные статьи вообще для журнала не очень удобны; и желательно бы имѣть нѣсколько короткихъ, чѣмъ одну длиннѣйшую.

Жалѣю очень, что въ нашей перепискѣ вышла такая нескладница. Теперь я не отвѣчалъ раньше и потому, что для моихъ слабыхъ глазъ нелегко чтеніе вашей рукописи—бѣлыми чернилами на сквозной бумагѣ.

Вамъ искренно преданный.

А. Пыпинъ.

Оказалось такъ, какъ я предположилъ. Рукопись съ моимъ письмомъ лежала въ редакціи. Теперь я распорядился объ отправкѣ къ Вамъ обѣихъ статей. На-дняхъ Вы должны получить.

4

Балтійская жел. дорога, Силламяги.
8 іюля 1882.

Многоуважаемый Григорій Александровичъ.

Я поселился такъ далеко отъ редакціи, что письма запаздываютъ при пересылкѣ ко мнѣ, и это одна причина, почему я раньше Вамъ не отвѣтилъ; другая—что еще не успѣлъ прочесть Вашей рукописи, чтобы отвѣтить совсѣмъ точно. Пока извѣщу Васъ только, что рукопись дошла въ цѣлости.

Итакъ, до слѣдующаго письма.

Вамъ преданный
А. Пыпинъ.

5

Петербургъ, 14 октября.

Многоуважаемый Григорій Александровичъ.

Я опять замедлил своимъ отвѣтомъ,—извините великодушно. Я спрашивалъ Ст-ча о томъ, когда можетъ пойти Ваша статья, и онъ отвѣтилъ, что въ одной изъ первыхъ книжекъ слѣдующаго года, такъ какъ теперь долженъ былъ очистить матеріаль, помѣщеніе котораго было обѣщано. Притомъ, явится экстренный матеріаль—очень интересный и неотложный, который увидите въ декабрьской книгѣ.

Вамъ преданный
А. Пыпинъ.

6

Петербургъ, 6 сент. 1882 г.

Многоуважаемнй Григорій Александровичъ!

Извините за вольныя и невольныя промедленія. Я уже нѣсколько времени назадъ прочелъ Вашу статью, но за хлопотами по журналу и по переѣзду въ городъ не успѣлъ Вамъ написать о томъ раньше. Переимѣстивъ сдѣланныя Вами *ad usum delphini*, т.-е. русскаго читающаго люда, дѣлають статью доступнѣе, и я съ своей стороны охотно взялъ бы ее для журнала. На-дняхъ пріѣзжалъ самъ Стасюлевичъ, и такъ какъ въ его управленіе я не вмѣшиваюсь, то передалъ ему свое мнѣніе о дѣлѣ, которое онъ рѣшитъ окончательно уже самъ; но думаю, что приметъ мое мнѣніе. Словомъ, около 1—15 сентября я буду Вамъ еще разъ писать, и тогда вѣроятно буду въ состояніи сказать Вамъ о времени напечатанія статьи.

Итакъ, до будущаго письма.

Вамъ преданный
А. Пыпинъ.

Орестъ Федоровичъ Миллеръ.

Съ Орестомъ Миллеромъ я былъ знакомъ давно. Его душа была похожа на чистый кристалль. Онъ поражалъ своею искренностью, честностью, и я сочувствовалъ его народническимъ идеаламъ. Если многіе находили, что онъ посредственность, то для меня его бесѣда очень пріятна. Онъ вѣровалъ въ славянское движеніе и въ немъ разочаровался. Краснорѣчивый ораторъ, онъ умѣетъ затронуть душу своихъ слушателей въ такіе моменты, когда общество наэлектризовано. Но въ моменты спокойныя, разсудочныя его фразы производятъ впечатлѣніе чего-то дѣланнаго, напыщеннаго.

Какъ человѣкъ онъ выше писателя и оратора. Онъ искренно привязывается къ идеѣ. Сколько онъ добра дѣлаетъ студентамъ! Проповѣдывая любовь къ ближнему онъ всѣми силами старается осуществить ее на дѣлѣ. Вѣроятно многіе студенты помнятъ, какъ онъ помогалъ имъ.—Онъ покупалъ цѣлую массу пальто и въ зимнее время раздавалъ ихъ неимущимъ. Онъ жилъ вмѣстѣ со старою тетушкою, которая вела его хозяйство, и очень мало тратилъ на себя. Помнится мнѣ, когда пріѣхалъ угро-руссъ Ив. Добр. и Славянскій Благотворительный Комитетъ сталъ чествовать его, Орестъ Федоровичъ скоро разочаровался въ немъ изъ-за его буржуазныхъ идей. Конечно, Добр. не былъ идеалистомъ и первымъ дѣломъ думалъ устроить свою матеріальную судьбу. Его (О. Ѳ. Миллера) ненависть къ буржуазіи не только красивая фраза, это дѣло самое животрепещущее для него. Онъ все свое жалованье раздастъ недостаточнымъ студентамъ. Онъ человѣкъ чувства, порыва, впечатлѣнія—не холоднаго расчета, скорѣе идеалистъ, чѣмъ реалистъ. Въ Черкасскомъ онъ видитъ Бисмаркизмъ. Въ Достоевскомъ видитъ лучшаго человѣка, чѣмъ въ Тургеневѣ. Мы говорили о нигилистахъ. Они хотятъ наполнить голову мужика своими идеями.

Не то ли дѣлаютъ славянофилы въ родѣ Аксакова? Развѣ они не хотятъ опекать Славянъ и учить ихъ въ извѣстномъ направленіи.—По-моему, сказалъ я, если я люблю Славянъ, народъ, то я долженъ поступать какъ мать, призванная Соломономъ, которая предпочла отдать ребенка чужой женщинѣ. Она дѣйствительно любила своего ребенка.—Миллеръ со мною согласился. Онъ говоритъ, что онъ выставитъ мнѣнія первоначальныхъ славянофилов¹⁾. Объединенія славянъ онъ желаетъ, но не въ духѣ Бисмарка. Въ этомъ взглядѣ есть извѣстная сентиментальность и мистицизмъ, вѣра въ какую-то внутреннюю павдру русскаго народа.

¹⁾ Дѣло, вѣроятно идетъ о статьѣ напечатанной О. Ѳ. Миллеромъ въ «Русской мысли» въ началѣ 1880 г. Ред.

Разсказывалъ въ подтвержденіе своей мысли о томъ, какъ народъ смотритъ на извѣстныя событія. Въ провинціи къ нимъ въ гости пришелъ старикъ.—Ему говорятъ, вотъ (этотъ человекъ) учить въ Петербургѣ царскихъ дѣтей.—Нехорошо у васъ въ Петербургѣ,—сказалъ старикъ,—тамъ все вѣшаютъ.

Я замѣтилъ, что господа Елисеевы и пр. не знаютъ народа, не постигаютъ, какой громадный прогрессъ въ духовномъ отношеніи свершился въ народѣ: сербская война была бы немислима. Онъ вполнѣ раздѣлилъ эти мысли. Только самодержавіе могло произвести реформу—освобожденіе крестьянъ. Теперь ему слѣдуетъ сойти со сцены...

Не можетъ хладнокровно говорить о нападкахъ на Славянскій Комитетъ. Говорить, что нельзя было назначать Аристова секретаремъ Филиппова.—Это позоръ для Славянскаго Комитета, эти господа (о редакціи Молва) вполнѣ убѣждены, что они неправы. Я имѣю на это факты, но они нарочно затемняютъ, подтасовываютъ дѣло.—Пыпину сказалъ Ив. Ив.: «Зачѣмъ Вы насъ не назвали?» Онъ возмущается и тѣмъ, что наша литература тенденціозна, что чествованіе со стороны молодежи Достоевскаго они умолчали, что извращаются доктрины славянофильства тѣми, которые знаютъ Хомякова и Аксакова наизусть. Сердился на то, что Новое Время мало сдѣлало для Славянства, что оно не слѣдитъ за явленіемъ славянской литературы.—Имъ только пятаки нужны. Вы замѣтили,—я не пишу больше въ этой газетѣ,—сказалъ онъ.

1

Милостивый Государь,

Григорій Александровичъ.

Г-жа Бидерманъ не была у меня вторично, а потому и высылаю Вамъ квитанціи по почтѣ. Статью Вашу не предложить ли въ новый журналъ «Вѣкъ?» Можетъ быть туда бы можно пристроить и романъ, котораго я, каюсь, еще не прочелъ, — за множествомъ дѣлъ. «Свободное Слово»¹⁾. Отвѣтъ Вы отчасти могли бы найти въ моемъ некрологѣ кн. Васильчикова («Ист. Вѣстникъ», XII). Можетъ быть напишу о Вашей брошюрѣ и отдѣльно, т.-е. заодно съ другими о злобахъ дня. Простите,—но она мнѣ показалась *микстурой* изъ земскаго собора и конституціи. То же встрѣчалось мнѣ въ разговорахъ съ Градовскимъ (съ тою разницею,

¹⁾ Брошюра, изданная Г. А. де-Волланомъ за границей въ 1881 г. *Ред.*

что онъ самъ замѣчаетъ микстуру, а Вы не замѣчаете). Я же предпочитаю *квинтъ—эссенцію, экстракты*,—вообще *цѣльное*.

Вамъ душевно преданный
Ор. Миллеръ.

2

28 декабря 81 г.

Статью Вашу, любезнѣйшій Григорій Александровичъ, редакторъ «Вѣка» читаль и готовъ бы ее помѣстить, но безъ приложений. Къ тому же онъ платитъ не болѣе 45 р., да и, кажется, дѣла его schwach и журналъ едва ли не помретъ тотчасъ же послѣ рожденья. Не передать ли Л. Н. Майкову? Романъ Вамъ вышлю, чуть только улучу минутку,—страшно много дѣла и всякихъ передрагъ.

Весь Вашъ
Ор. Миллеръ.

3

8 февраля.

Получаете ли Вы «Недѣлю»? Стоило бы.

Изъ писемъ Вашихъ, дорогой, Григорій Александровичъ, вижу, что мое письмо къ Вамъ пропало. Теперь надо только, чтобы Майковъ распорядился Вашимъ сборникомъ, а Оболенскій рѣшился напечатать рассказъ. Деньги Ваши получилъ и хотѣлъ Вамъ прямо выслать квитанцію Комитета, а для этого надо ждать собранія; книжечку Вашу не возвращаю, не теряя надежды написать о ней: вѣрьте, не вѣрьте, а все нѣтъ физической возможности удосужиться. У меня вѣдь 14 лекцій и два предсѣдательства. Написаль бы уже потому, и даже большую статью, такъ мнѣ деньги нужны. Поручился за Гильдебранда въ фондъ, — и вотъ надо внести за него 500 рублей. Такъ бы и сѣлъ да сталъ строчить статьи ужъ ради одного этого, — а времени негдѣ взять.

Весь Вашъ
Ор. Миллеръ.

4

19 января.

Теперь занятъ юбилеемъ Жуковскаго.

Возвращаю Вамъ романъ, многоуважаемый Григорій Александровичъ. «Угорская Русь», по возвращеніи изъ «Вѣка», передана мною Л. Н. Майкову, но отвѣта онъ мнѣ все еще не далъ. Сообщу Вамъ, что съ сентября предположено издавать «Извѣстія Славянскаго Общества». Я свои лекціи о Достоевскомъ вѣроятно издамъ отдѣльною книжкой. Въ пріятномъ ожиданіи Васъ видѣть.

Преданный Вамъ
Ор. Миллеръ.

23 марта 82 г.

Многоуважаемый

Григорій Александровичъ.

Въ объясненіе моего *свинства* относительно Вашихъ порученій скажу только, что меня совершенно выбила было изъ колеи продолжительная болѣзнь моей тетушки, теперь, слава Богу, оправившейся. Вслѣдъ за тѣмъ у насъ переболѣла вся прислуга, что тоже причинило мнѣ не мало заботъ. Прилагаю квитанціи и письмо Л. Н. Майкова. Изъ Сборника Вашего читайте выдержки въ отдѣленіи этнографіи и рѣшено непремѣнно напечатать Сборникъ въ Запискахъ въ теченіе нынѣшняго года. Что касается Оболенскаго, то онъ все еще не далъ мнѣ отвѣта (впрочемъ, я за всѣми передрыгами нѣсколько запоздалъ самую передачу). Въ письмѣ Вашемъ Оболенскій не разобралъ подписи и долго не зналъ, отъ кого оно. Всѣхъ этихъ господъ надо подталкивать, а для этого надо время, котораго у меня крайне мало. Мартовскаго «Вѣка» и я не получалъ. Во вторникъ же мнѣ придется выступить противъ Филиппова въ Мировомъ Съѣздѣ. Онъ не платилъ бѣдному, мною рекомендованному сотруднику. Я отказался отъ гонорара за мою статью съ тѣмъ, чтобы онъ уплатилъ тому. Филипповъ не исполнилъ этого безъ суда, мировой же судья вычислилъ гонораръ въ 8 руб. съ листа, почему дѣло перенесено въ Съѣздъ. Хотѣлось бы проучить жидка (таковъ онъ по происхожденію). А Вамъ должно икаться — такъ много бранять Вашъ заграничный налогъ (не я, конечно) ¹⁾.

Вамъ преданный
Ор. Миллеръ.

П и с ь м о Л. Н. М а й к о в а.

Милостивый Государь,

Григорій Александровичъ.

Сегодня я получилъ отвѣтъ Е. М. Θεоктистова касательно Вашей статьи, и, согласно моему обѣщанію, спѣшу сообщить его Вамъ.

По соображеніи большого количества имѣющихся въ редакціи матеріаловъ, весьма значительныхъ притомъ по объему, напе-

¹⁾ 14 іюня 1882 г. я помѣстилъ въ Новомъ Времени статью «Чѣмъ замѣнить подушную подать». Въ этой статьѣ я предлагалъ замѣнить этотъ налогъ сборомъ на заграничные паспорта.

чтаніе Вашей статьи въ Ж. М. Н. Пр. рѣшительно невозможно ранѣе будущаго года, и притомъ придется выпустить находящіяся въ началѣ поэтическія разсужденія, неумѣстныя въ казенномъ журналѣ. Не зная, согласитесь ли Вы на эти условія, препро-вождаю Вамъ Вашу рукопись.

Съ своей стороны прибавлю сожалѣніе, что Вы не желаете отдать эту статью въ Географическое Общество.

Предназначенный Вами для Г. Общества сборникъ пѣсенъ значительно потеряетъ въ интересѣ, если ранѣе его будетъ напечатана статья Ваша объ угорской женщинѣ, почти сплошь состоящая изъ тѣхъ же пѣсенъ.

Прошу Васъ вѣрить искреннему моему уваженію и преданности.

Л. Майковъ.

14 апрѣля.

6

Павловскъ, 18-го іюня.

Рукописи Ваши, многоуважаемый Григорій Александровичъ, я до сихъ поръ еще только добываю черезъ Плещеева, живущаго здѣсь же на дачѣ. Сперва онъ сказалъ мнѣ, что Кривенко долженъ былъ ихъ Вамъ возвратить по почтѣ, но когда я указалъ на желаніе Ваше, чтобы я ихъ просмотрѣлъ и ими руководился, то онъ обѣщаль задержать ихъ отправку и мнѣ ихъ доставить. До сихъ поръ однако же не доставилъ.

Статью о Вашей печатной брошюрѣ Шубинскій просить пока не писать, не зная, окажется ли она удобнѣе послѣ послѣдовавшихъ у насъ перемѣнъ.

Не успѣли ли уже обругать Васъ за Вашу замѣтку въ Новомъ Времени? Облагать пошліною интеллигентовъ, ѣдущихъ въ Европу затѣмъ, чтобы стать еще больше интеллигентами,—вѣдь это, батюшка, crime de lèse-civilisation. Съ моей точки зрѣнія Вы, конечно, за это-то и паинька.

Послѣднія Аксаковскія статьи, согласитесь, хороши. Хочу послать ему статью «Кн. А. И. Васильчиковъ и его біографія» (по поводу легкомысленной книжки Голубева, вздумавшаго, хотя и почтительно, *поправлять* Васильчикова тономъ «Голоса» и «Отечественныхъ»). Шуты гороховые.

Весь Вашъ Ор. Миллеръ.

7

Многоуважаемый

Григорій Александровичъ.

До сихъ поръ Плещеевъ только водить меня за носъ, обѣщая мнѣ привезти сюда въ Павловскъ Ваши рукописи. Кривенко тоже не откликается.

Ваше указаніе мнѣ на гадкую выходку Голубева противъ Слав. Общества въ біографіи кн. Васильчикова не осталось безъ послѣдствій. Пишу большую статью: «Кн. Васильчиковъ и его біографія», въ которой отдѣлываю Голубева какъ за Комитетъ, такъ и за его претензію быть адвокатомъ и даже менторомъ Васильчикова. Хочу предложить «Недѣлѣ», такъ какъ съ «Новымъ Временемъ» приходится прерывать сношенія. Статью мою о Школѣ и Церкви они урѣзали, разбили на три кусочка и подавали публикѣ черезъ недѣлю по десертной ложкѣ. Если «Недѣля» напечатаетъ мою статью вполнѣ, стану ея постояннымъ и даже исключительнымъ сотрудникомъ.

Я мало писалъ, потому что сперва здѣсь лѣчилъ, а потомъ ссоронилъ своего двоюроднаго брата.

Весь Вашъ
Ор. Миллеръ.

25-го іюля.

Павловскъ, (Спб. губ.).

Лебединая ул., д. Пистолькорса (до сентября).

8

Многоуважаемый

Григорій Александровичъ.

Сборникъ Вашъ получилъ и передалъ Суворину. Я съ нимъ не прерывалъ сношеній, но не хочу у него болѣе печататься. Рецензію Вашего «Свободнаго Слова» не написалъ до сихъ поръ, потому что Шубинскій кажется сперва извѣститъ, можно ли объ этомъ писать. Ужъ не написать ли для «Руси»? Статьи моей о Васильчиковѣ Аксаковъ не взялъ — ради Чичерина, которому отъ нея бы не поздоровилось. О рецензій В. Зотова упомянуто у меня въ примѣчаніи, но меня не особенно она разсердила — привыкъ ужъ я къ такимъ выходамъ, а разсердили санфасонныя отношенія Голубева къ Васильчикову и его убѣжденьямъ. Вздумалъ гороховый шутъ читать Васильчикову мораль тономъ «Голоса» и выдѣлять его изъ ряда «мнимыхъ друзей народа». А въ «Голосѣ» что ли истинные друзья...

Писалъ въ «Недѣлю» — предлагалъ статью о Васильчиковѣ: не отвѣчаютъ. Очень бы хотѣлъ купить «Устой», чтобы имѣть свой органъ, но лишней копейки нѣтъ за душой.

Вамъ душевно преданный
Ор. Миллеръ.

Здорова ли Анна Васильевна Гордѣева, не знаете ли?

31 октября 82 г.

Вашъ Сборникъ, многоуважаемый Григорій Александровичъ, отдалъ Федорову за отсутствіемъ тогда Суворина. Заходилъ я къ послѣднему нынче — обѣщалъ разыскать и возвратить. Засимъ передамъ Майкову. Аксакову статью напишу, какъ только удосужусь. Статья моя о Васильчиковѣ пойдетъ въ «Мысль» Оболенскаго. Очеркъ пришлите. Простите за лаконизмъ—куча писемъ, требующихъ отвѣта

Весь Вашъ Ор. Миллеръ.

«Вѣстника Европы» не читалъ, слѣдуя правилу Чацкаго. Но и всѣ хороши и все хорошо...

Многоуважаемый

Григорій Александровичъ.

Рукопись Ваша мною лично отвезена въ «Новое Время», но Суворинъ оказывается въ Крыму, и передалъ я ее Федорову. Съ доставкой романа пообождайте, пока я прочту всѣ сочиненія курсистокъ по русской словесности, а накопилось ихъ уже до сорока. Что касается подходящей редакціи, то я и самъ не знаю, куда пристроить моего «Васильчикова съ его біографомъ». Думаю, наконецъ, попытаться въ «Мысль». Вашу же беллетристику могъ бы передать въ журналъ романовъ и повѣстей (при «Недѣлѣ»). Тамъ люди порядочные. «Вѣка», кажется, никто не читаетъ.

Тетушка моя благодарить Васъ за память и за добрыя вѣсти объ Аннѣ Васильевнѣ.

Весь Вашъ Ор. Миллеръ.

2 сентября. Павловскъ.

Сущее еще лѣто, но 10-го надо переѣхать въ противный Петербургъ.

Разборъ Вашей брошюры напишу и попытаюсь напечатать у Аксакова, если же и тутъ отказъ, махну на него рукой. Я вообще безпріютень.

Такихъ людей, какъ Ор. Миллеръ я люблю. Они вносятъ нравственный элементъ въ общество. Это болѣе или менѣе цѣльный характеръ, сочувствующій всему хорошему, доброму, искреннему, правдивому. Мистицизмъ, сентиментализмъ, вѣра въ людей и въ извѣстное обновленіе (какъ это было въ Сербскую войну), вытекаетъ изъ такого идеальнаго взгляда на людей. Онъ дѣйствительно ненавидитъ бисмаркизмъ, маккіавелизмъ, и изъ него никогда не выработался бы государственный человѣкъ, играющій

на чловѣческой гадости и слабости. Онѣ думалѣ, что славянское движеніе обновитѣ общество и не принималѣ въ расчетѣ эгоизмѣ людской. Прилагаю при семѣ выше письма О. Ѳ. Миллера.

Какѣ ученый, Бестужевѣ-Рюминѣ какѣ будто выше, но весь онѣ какой-то сѣрый, невзрачный. Если Миллерѣ, при своемѣ маленькомѣ ростѣ сможетѣ иногда изображать громовержца трибуна и увлечѣ слушателей, то этого дара лишентѣ Б. Р. Онѣ постоянно повторяетѣ. Какаѣ-то каша во рту, хотя бы и рѣчь была хорошо приготовлена. Такое впечатлѣніе выносятѣ его слушатели и слушательницы. Онѣ дѣйствительно чловѣкѣ науки, но не дѣятель, не чловѣкѣ инициативы. Онѣ всего боится, остерегаетѣ и потому поражаетѣ своею нерѣшителностью. Не изѣ короба, то въ коробѣ, вотѣ что выносишь изѣ его дѣятельности какѣ Предсѣдателя Славянскаго Общества. Онѣ не обладаетѣ ни зычнымѣ голосомѣ, ни достаточнымѣ нахальствомѣ, чтобы держать собраніе въ строгой дисциплинѣ.

Ламанскій — политиканѣ, немного бисмаркистѣ. У него нѣтъ установленныхъ принциповъ насчетѣ того, насколько можно морочить людей, подсидѣть ихѣ. Онѣ выхваляетѣ Черкаскаго, какѣ хитроумнаго Уллиса. Самѣ онѣ не любитѣ Славянѣ. Все это ужасная сволочь, дурачье — вотѣ его подлинныя слова. Какѣ можно работать на славянскую идею, если имѣтъ такое мнѣніе о еѣ представителяхѣ. Онѣ очень любитѣ рассказывать на ухо тому другому, что говорилѣ сегодня Игнатевѣ, какѣ думаютѣ въ такихѣ-то или такихѣ-то сферахѣ. Наукѣ своей онѣ преданѣ. Не вѣрять въ конституцію. Держитѣ строго тайнаго догмата: «самодержавіе, православіе и народность». Но къ народности у него нѣтъ никакихъ слащавыхъ симпатій. Онѣ любитѣ русскій народѣ скорѣе головою, чѣмѣ сердцемѣ. Удивляетѣ его политическому смыслу, его молодечеству. Его, напримѣръ, приводитѣ въ восторгѣ анекдотѣ, имѣ же самимѣ рассказываемый о русскомѣ офенѣ, который пришелѣ въ Фрушку-гору и сказалѣ сербамѣ: «Все это будетѣ наше. Такѣ имѣ и нужно, свинопасы».

Сентиментализма, мистицизма нѣтъ и слѣда. Скорѣе — ехидство, насмѣшка и спокойный трезвый взглядѣ. Оцѣниваетѣ людей по удачѣ, а не по ихѣ стремленіямѣ или характеру. Никогда не говоритѣ: «Хорошо, честный чловѣкѣ», — а всегда спрашиваетѣ: «Что онѣ умный, или онѣ очень слабѣ, не правда ли — не серьезный чловѣкѣ» и т. д. Онѣ все-таки страдаетѣ по Россіи. Теперь онѣ предлагаетѣ войну съ Германіей, чтобы отвлечѣ Россію отѣ социализма. Средство, дѣйствительно, героическое, но и опасное.

Гр. де Волланѣ.

(Продолженіе слѣдуетѣ).

Очерки прошлаго.¹⁾

1 марта 1881 года.

Толпѣ всегда нуженъ виновникъ и она не понимаетъ происхожденія этихъ взрывовъ изъ нашей внутренней безурядицы. — Указываютъ прямо на К. Н.—онъ главный виновникъ всему. Онъ самъ узналъ о ходящихъ въ городѣ слухахъ, приѣхалъ къ себѣ во дворецъ и сказалъ въ присутствіи дѣтей и приближенныхъ (гр. Литке): — виновный найденъ — это я...

Хватали, брали кого попало безъ разбора. Одно мастерового, испуганнаго преслѣдованіемъ, нашли въ Аккерманѣ и привезли въ Питеръ. Тамъ онъ требовалъ свиданія съ прокуроромъ—на томъ основаніи, что онъ политическій преступникъ. Его, конечно, отпустили.—Административныхъ ссыльныхъ, говорятъ, до 40000. Что твои *lettres de cachet*. Одно время все упованіе возложили на дворниковъ.—Дворники очень оригинально поняли свою задачу.—Дворникъ одной моей знакомой стоитъ на улицѣ—его спрашиваютъ. Чей это домъ?—А почему я знаю—я «политическій дворникъ». Много такой дворникъ предупредить и усмотреть.

Лорисъ-Меликовъ пустилъ новую струю въ русскую жизнь.—Произошли демонстраціи quasi политическаго характера на праздникѣ Пушкина, въ дворянскихъ собраніяхъ и при похоронахъ Достоевскаго. Очень кстати явилась пенсія вдовѣ Достоевскаго.—Хотя многіе и находили, что это *revue générale au nihilisme*, но пенсія придавала этой демонстраціи очень благонамѣренный характеръ.—Суворинъ написалъ мнѣ очень интересное письмо по этому поводу.—Онъ находился подъ впечатлѣніемъ похоронъ Достоевскаго и спѣлъ диффирамбъ русской женщинѣ, которая пойдетъ на пушку, если потребуется. Ждалъ

¹⁾ «Гол. Мин.» № 4.

оживленія своей литературной дѣятельности, т.-е. газеты, когда будетъ земскій соборъ. Это говорилъ онъ послѣ смерти Достоевскаго, а послѣ 1-го марта заговорилъ другое:—Земскій Соборъ невозможенъ, это будетъ Учредительное Собраніе, революція. Кто знаетъ, можетъ быть мы черезъ мѣсяць будемъ на площади кричать «да здравствуетъ свобода».

Все ожидало со дня на день объявленія конституціи. И вдругъ 1-го марта разразился надъ всею Россіею ударъ—Александра II убили революціонеры. Говорятъ, что народъ тужить, что онъ озлобленъ на всѣхъ посягнувшихъ и грозитъ мстить.

Александръ II въ послѣдній годъ своей жизни дѣлалъ все, чтобы лишить власть ея обаянія и силы. Вѣздилъ съ конвоемъ...

Трагизмъ смерти сразу поднялъ его на высоту легендарной личности. Все смѣшное забыто—теперь помнятъ только страдальца Царя-Освободителя и мученика.

Вмѣстѣ съ этимъ надо сознаться, что катастрофа многимъ открыла глаза.—Въ глазахъ многихъ революціонная партія выросла до недосягаемой высоты. Можно предсказать, что мучениковъ теперь найдется не десятокъ и сотни, а тысячи... —При этомъ народъ остался спокоенъ. Ходили зловѣщія слухи, кое-гдѣ били помѣщиковъ (въ Тверской губ.), евреевъ (на югѣ), но, вообще, народъ остался очень равнодушенъ.—Я самъ знаю, что въ деревняхъ у многихъ подъ портретомъ Александра II теплится лампадка.

Царь-Освободитель сдѣлалъ такъ много, что сыну трудно будетъ до него дорасти.—Вообще мы переживаемъ крайне интересное историческое время.—Кто побѣдитъ?—вотъ вопросъ, который навязывается всѣмъ.

Вспоминаю по поводу перваго марта знаменательныя слова Шлабрендорфа, который говоритъ, что единеніе князя съ народомъ должно непременно произойти.—Или князь спустится нѣсколькими ступенями къ народу или народъ поднимется къ нему.—И это правда. Александру II слѣдовало именно спуститься нѣсколько ступеней и отдать обществу то, что оно требовало... Смѣшно сказать, что у него все было подписано, и онъ только откладывалъ, откладывая въ этихъ случаяхъ невозможно. Онъ далъ относительно много свободы и ему не слѣдовало останавливаться на полпути. Вотъ и народъ поднялся на нѣсколько ступеней къ нему.—И тутъ среди бѣла дня съ полиціею, съ войскомъ совершилось ужасающее, показавшее, что — царь такой же человѣкъ, какъ и всѣ. Это — не убіеніе Павла I.—Послѣ этого факта, авторитетъ этой кучки людей, которые про себя могутъ сказать, что они дѣлаютъ исто-

рiю, поднялся на недосыгаемую высоту. Такой единой сплоченной воли, такой энергiи, такого единодушiя, скрытности не проявилъ никто въ Россiи.—Какъ всегда послѣ покушенiя, въ обществѣ проявилось безпокойство чисто эгоистическаго свойства—боязнь за свою шкуру, боязнь, что народъ бросится и начнетъ грабить, избивать.—Но народъ остался спокойнымъ и только въ глубинѣ гдѣ-то происходитъ глухое волненiе. «Господа убили... за освобожденiе», вотъ что слышится иногда... Не всѣ въ народѣ знаютъ государя. «Что—это тотъ, который освободилъ крестьянъ,—спросилъ меня одинъ грядской мужикъ,—хорошiй человекъ—и больше ничего». Я замѣтилъ, что крестьяне неохотно говорятъ съ барами объ этомъ дѣлѣ, точно они подозрѣваютъ ихъ въ чемъ-то.

Я пробылъ нѣсколько дней въ Москвѣ, ну и, конечно, толковъ, пересудовъ тамъ не оберешься.—Время страшно смутное переживаемъ мы. На улицѣ нельзя пройти съ пѣснею, въ домѣ нельзя играть на фортепьянахъ, народъ сейчасъ тутъ расправится съ тѣмъ, который смѣется надъ его горемъ. Тяжело дышать въ этой атмосферѣ, пропитанной электричествомъ.—Прежде всего о народѣ.—Всѣ говорятъ, что видѣли на небѣ корону и крестъ, потомъ всадника, потомъ отъ 10 часовъ до 12 часовъ въ Кремлѣ раздается гулъ, какъ бы отъ ударовъ колокола; открываются чудотворныя иконы.—Всѣ инстинктивно ждуть чего-то чудеснаго, сверхъестественнаго, точно многiе предчувствовали событiе. Будто въ Эрмитажѣ въ этотъ самый часъ играли похоронный маршъ по требованiю генерала.

Интеллигенцiя, по обычаю, струсила и сидитъ дома и поглядываетъ на прислугу, которая толкуетъ о рѣзнѣ и о разныхъ ужасахъ.—У кого очки были на носу, у тѣхъ очки спрятаны—неравно примутъ за социалиста.—Реакцiя, страхъ, опасенiя, какая-то тоска, бѣлый и красный терроръ, умственная и нравственная анархiя, неувѣренность въ завтрашнемъ днѣ—вотъ что виситъ надъ городомъ. По слухамъ—тамъ потеряли голову, другiе же говорятъ, что Александръ III очень бодръ.

Козлищемъ отпущенiя называютъ по старой памяти все того же К. Н.—Откуда эти громадные капиталы въ рукахъ нигилистовъ?—спрашиваютъ многiе.—Онъ виноватъ.

Разсказываютъ, будто у него былъ обыскъ. Еще прежде разсказывали, что у него въ кабинетѣ былъ пожаръ. Сгорѣли компрометирующiя бумаги.—Есть другiе голоса, которые говорятъ, что деньги принадлежатъ Польшѣ, но что и К. Н. волею-неволею долженъ молчать и потакать имъ. Вообще эти слухи и легенды характеризуютъ хаотическое состоянiе общества

и народа. Народъ инстинктивно держится за царя, потому что смутую воспользуются прежде всего нѣмцы, англичане, поляки. — Всѣхъ проповѣдниковъ - социалистовъ народъ попросту избиваетъ, ужасно золь на студентовъ, на женщинъ, вообще на интеллигенцію. Было нѣсколько фактовъ грубой расправы. Избили челоуѣка за то, что онъ не купилъ манифеста и сказалъ пристававшему къ нему газетчику: «Убирайтесь къ чорту съ своимъ манифестомъ». Тѣхъ, которые разорвали портреть,... тѣхъ избили до смерти. — Дай только волю черни, и она все разнесетъ. — Но l'ordre règne à Varsovie, и войска всѣ съ заряженными ружьями и съ боевыми патронами наготовѣ. Вѣсть пришла въ тотъ же день, но губернаторъ не объявлялъ новости... Въ театрѣ пошло шушуканье, шопоть и вдругъ разнеслась новость. Генераль-губернаторъ принялъ всѣ необходимыя мѣры съ войскомъ. Публика въ театрѣ вдругъ, наэлектризованная извѣстіемъ, закричала актерамъ и оркестру: — депешу, депешу! — Оркестръ игралъ, но крикъ толпы заглушалъ его. Тогда Козловъ вышелъ на эстраду и сказалъ, что ничего официальнаго нѣтъ. Публика безмолвно разошлась....

Говорять, будетъ реакція. — О конституціи не моги говорить. Бартенеуъ сообщалъ, что будутъ призваны редакціонныя комиссіи по финансовымъ вопросамъ. Аксаковъ мечеть громы и молніи противъ либераловъ, бранить всѣ конституціонныя затѣи. Конституціонисты — это и есть царевубійцы. — До чего можно зарпортоваться, подумаешь. — Всѣ эти господа чають движенія воды и съ новымъ царствованіемъ думаютъ играть роль. Многие изъ нихъ лицемѣрно тужать, а втайнѣ радуются переменѣ. Но ханжество, лицемѣрная скорбь, панихиды, слезы, колѣно-преклоненія теперь въ большомъ ходу. — Такое уже время — надо плыть по теченію, не поплывешь, сейчасъ крикнуть: «Царевубійцы!» А у насъ, русскихъ людей, много стадности, табунности въ характерѣ. — Теперь нельзя благоразумнсе слово сказать. Пой непременно въ тонъ или молчи. Такіе уже мы холопы во всемъ.

Кн. Юрьевской ¹⁾, говорятъ, оставлено отъ 35 до 70 милліоновъ — хорошія денежки въ голодное время ²⁾.

Про новаго государя слышно, что онъ хорошій хозяинъ, бережливый, будетъ жить въ Аничковскомъ дворцѣ. И, слава Богу. На престолѣ должна быть личность безупречная въ нравственномъ значеніи слова. Всѣ престолы теперь пошатываются, и мы

¹⁾ Говорится о морганатической супругѣ Александра II.

Ред.

²⁾ Это оказывается вздоромъ — она получила всего 3 милліона и домъ. — Слышалъ отъ Ламсдорфа.

идемъ къ великой соціальной революціи. Благо тому, кто сумѣеть сохранить обаяніе, престижъ, ясность власти.—Начало трудное для Александра III. Необходима программа, хуже всего балансируваніе, нерѣшительность, отсутствіе программы, опредѣленныхъ мнѣній.—Ему надо быть Наполеономъ I или Фридрихомъ Великимъ. Дать свободу, но не выпускать изъ рукъ власть и руководительство надъ всѣмъ. Это очень трудно, но возможно челоуѣку умному, трезвому, способному и твердому.

Газеты теперь подлѣе и гаже всякаго описанія («Нов. Вр.», «Мос. Вѣд.», «Русь»). Какой тутъ чепухи чепухинской не нагородили онѣ.—Сберегу номера газетъ, авось, интересно будетъ посмотрѣть со временемъ.

Слухи въ началъ царствованія.

То, чего надо было опасаться, то и случилось. Началось ни то, ни се. Всѣ недовольны. Всѣ толкуютъ о либеральномъ министерствѣ Абазы, Лорисъ-Меликова и Милютинна, настаивающихъ на реформахъ. Владиміръ говоритъ о тѣхъ лицахъ (*plantes des gibets de Pétersbourg à Tiflis*). Въ обществѣ только и говорятъ о жидовскихъ (антиврейскихъ) беспорядкахъ на югѣ, и многіе съ опасеніемъ говорятъ о томъ, что эта волна народная поднимается на господъ. Все это вздоръ, конечно, но отмѣчаю слухи и разговоры, могущіе служить мнѣ воспоминаніемъ въ будущемъ времени. Н рассказывалъ мнѣ, что онъ ѣхалъ на конкѣ и видѣлъ пьянаго мужика, который повель слѣдующую рѣчь: «Александръ II былъ хорошій челоуѣкъ, а Александръ III тоже хорошій челоуѣкъ. Пускай онъ скажетъ мнѣ, и я убью, кого онъ прикажетъ». То же изъ деревни рассказывалъ кто-то о словахъ мужика: «Я тебя люблю, баринъ, но прійдетъ время и тебя и сына я долженъ буду убить».

Про Лорисъ-Меликова говорилъ я съ Суворинымъ и я нахожу, что онъ похожъ на Ломени де Бриеннъ. Суворинъ рассказывалъ про Лориса, что онъ сказалъ, что подастъ въ отставку, какъ только пойдутъ противъ его убѣжденій: «Я сумѣю оставить свой постъ.»

Къ числу такихъ полумѣръ, никого не удовлетворяющихъ и только вызывающихъ смѣхъ, принадлежитъ затѣя Баранова: дѣлать выборы въ городской совѣтъ со стороны владѣльцевъ квартиръ. Тяпъ-да ляпъ,—вызвали всѣхъ чуть не въ одинъ день составить выборы; нѣкоторые для шутки выбрали мѣстнаго квартальнаго. Такъ эта затѣя и прослыла въ Петербургѣ—*околодочная конституція*, и, кажется, погибнетъ отъ равнодушія публики.

Про одного поэта рассказываютъ, что онъ сказалъ Лорисъ-Меликову:

Дайте намъ хоть купую,
Но только конституцію.

Хорошій риторъ, человѣкъ истинно-русскій въ вопросѣ славянскомъ, Аксаковъ, кажется, потеряетъ то значеніе, которое онъ приобрѣлъ послѣ двухъ своихъ знаменитыхъ рѣчей по Восточному вопросу. Охота, право, человѣку подниматься изъ Москвы, чтобы прїѣхать въ Петербургъ и повторить ту же старую пѣснь о соприкосновеніи царя съ народомъ, о пользѣ самодержавія, о томъ, что намъ не надо обносковъ Европы, и затѣмъ робко говорить о земскихъ соборахъ, объ единеніи царя съ народомъ и т. д. Исааковъ очень мило сказалъ: «Точно какую-то московскую икону подняли». Собраніе было очень многолюдно, много аплодировали, но потомъ, немного позднѣе, также аплодировали Соловьеву за его лекцію.

Соловьевъ сказалъ, что христіанскій царь долженъ быть милостивымъ, и эти слова были приняты съ энтузіазмомъ. Въ обществѣ ходили слухи, что Соловьева арестовали, ходили упорные слухи, а на дѣлѣ я видѣлъ Соловьева у Бестужева-Рюмина, окруженнаго толпою курсистокъ. Онъ былъ героемъ дня. Наша молодежь уважаетъ въ человѣкѣ искренность, неустрашимость, гражданское мужество. Мнѣнія Соловьева не подходятъ подъ общій діапазонъ, и все-таки ему сдѣлали овацію, и у него на лекціяхъ всегда бываетъ толпа, почему? Потому что онъ говоритъ искренно, смѣло то, что думаетъ. Соловьевъ не радикаль, онъ христіанинъ, аскетъ. Въ молодежи есть инстинктъ, она угадываетъ характеръ, уважаетъ въ человѣкѣ прежде всего характеръ и поклоняется ему даже и въ томъ случаѣ, если человѣкъ проповѣдуетъ не симпатичные ей принципы.

И все такъ, какая-то разноголосица. Аксаковъ и весь Славянскій Комитетъ громили все и вся, начиная отъ покроя платья до конституціи и говорили, что народъ, какъ море, вздымается. А чего они достигли?—Одно только лицемѣріе, ни одного правдиваго, честнаго слова въ такую важную минуту.—Я сказалъ Суворину, что мнѣ не нравится это лицемѣріе. «Да,—сказалъ онъ,—совсѣмъ византійское лицемѣріе. Вѣдь и Аксаковъ съ братією въ тѣсномъ кружкѣ бранятъ то, что они теперь такъ восхваляютъ».

Все это только сбило съ толку молодого государя.

Появился манифестъ въ духѣ Каткова и Аксакова.

Суворинъ говорилъ, что неудобно созвать соборъ. —Этотъ соборъ объявитъ себя Учредительнымъ собраніемъ, и тогда

пойдетъ потѣха. Русскому мужику не нужна конституція—гдѣ у насъ интеллигенція—все чиновники, кромѣ чиновниковъ, и такъ далѣе въ этомъ родѣ. — Такъ вы хотите революціи и доведете до нея,—сказаль я.—Да и будетъ революція. Что за странности!

Другой разъ я у него спрашиваль о будущемъ призывѣ свѣдущихъ людей, экспертовъ въ редакціонныхъ комиссіяхъ и что изъ этого будетъ? «Почемъ я знаю,—мы всѣ не знаемъ. Можетъ быть, мы съ Вами ужъ черезъ мѣсяць будемъ кричать на площади: Да здравствуетъ свобода!»...

Все надоѣло,—хочу ѣхать за границу.

Я вспомнилъ Макс. Ковалевскаго, который говорилъ мнѣ: «Да развѣ дѣлають революцію? Революціи дѣлаются городами, и она будетъ лѣтъ черезъ двадцать».

Когда я сказаль Аксакову о Земскомъ соборѣ, то онъ напустился на всѣхъ: «Теперь не время, теперь горе—надо дать успокоиться (вотъ уже лакейская черта—господа почивають), и потомъ нельзя же дѣлать то, что они просятъ».

По рассказамъ Д. вотъ какъ было дѣло. На послѣднемъ засѣданіи было рѣшено двинуться впередъ. Слѣдующее засѣданіе происходитъ у Лориса. Вдругъ входитъ Набоковъ и подаетъ манифестъ Лорису и говоритъ, что онъ спѣшитъ отпечатать его до парада. Лорисъ читаетъ и съ гнѣвомъ бросаетъ его на столъ: «Передайте Милютину и Абазѣ, что такъ не можетъ оставаться долѣе—это измѣна!»—Кто писалъ манифестъ!—кричать всѣ наперерывъ. Выступаетъ Побѣдоносцевъ и говоритъ, что это онъ писалъ и защищаетъ свой проектъ. «Но вѣдь это противъ уговора»—кричитъ Лорисъ. «Вы ошибаетесь,—говоритъ Владиміръ,—уговора никакого не было. Государь сказаль Вамъ: займитесь проектами,—а это само-собою». Всѣ продолжаютъ кричать и волноваться. «Конечно надо подать въ отставку,—предлагають кто-то,—и сейчасъ же телеграфировать объ этомъ въ Гатчину».—Я не вижу необходимости подавать въ отставку, — заявляетъ ехидно Игнатъевъ, привычный къ серальскимъ разговорамъ (вѣрно подстроилъ всю эту механику, чтобы избавиться отъ Лориса и играть самому первую роль). Тутъ встаетъ Владиміръ и объявляетъ, что ему надо спѣшитъ устроить все для парада и уходитъ, не подавая никому руки. Рассказываютъ, что эти совѣщанія верховниковъ (такъ ихъ называетъ партія Каткова) происходили у Нелидовой, и будто она неосторожно говорила объ этомъ въ присутствіи агента Баранова. Послѣдній—штукаръ не первой руки. Говорилъ все: «Государь и я» и т. д. Когда мы пріѣхали къ нему по дѣлу, то онъ насъ приняль всѣхъ, какъ товарищей, и подаль руку, предложилъ курить. Вообще власть и популяр-

ничаютъ и прижимаютъ—не знаешь, что и ожидать. Ореста Миллера онъ требовалъ къ себѣ по объясненію насчетъ лекціи Соловьева, котораго публика чуть не на рукахъ понесла.

Принимая у себя Миллера, Барановъ встрѣтилъ его словами: «Я принадлежу къ числу вашихъ поклонниковъ и, извините, что заставилъ васъ ждать. Я хотѣлъ отъ васъ слышать, какъ все было на лекціи—не могу же я положиться на слова жандармскаго (по-хлестоковски либерально) офицера». (Слышалъ отъ самого О. Миллера).

Манифестъ произвелъ удручающее впечатлѣніе на многихъ и многихъ людей. Всѣ, чаявшіе чего-то особеннаго отъ новаго царствованія, сильно пріуныли. Подняли голову тѣ, которые сочувствуютъ анархистамъ; имъ это недовольство въ руку. Въ обществѣ есть поклонники Каткова, Аксакова, но они не играютъ видной роли. Лорису дѣлали овацію. Большинство теперь жалѣетъ объ его уходѣ. Земцы новгородскіе, саратовскіе, самарскіе высказались за конституцію.—Петербургъ сдѣлалъ Лориса почетнымъ гражданиномъ.

Во время грозы разбился памятникъ въ Гатчинѣ; всѣ, какъ говорятъ, очевидцы струхнули.

Съ каждымъ днемъ все разочаровываются и начинаютъ опять поглядывать въ ту сторону, откуда вышли Рысаковы. Пресса подъ игомъ, а свѣдущіе люди призываются. Вотъ признаки, которые рисуютъ положеніе... Время хорошее пропущено. Бываютъ моменты, когда общество находится въ своей Sturm & Drang Periode, и кормитъ ихъ тогда прѣсною пищею, положительно, опасно. «Россія скучаетъ»—можно повторить слова Ламартина. Высшія назначенія не особенно удачны. Талантливыхъ людей (изъ старыхъ) разогнали, а плохихъ (изъ прежнихъ) оставили. Въ обществѣ называютъ новое министерство, бездарное министерство. Дѣйствительно, кромѣ Игнатьева, все такая безталанность патентованная. При назначеніяхъ не руководятся ни способностями, ни прошлымъ человѣка. Игнатьевъ могъ бы быть великолѣпнымъ министромъ иностранныхъ дѣлъ, а его сунули въ министерство внутреннихъ дѣлъ, и вотъ онъ проводитъ константинопольскій режимъ.

Барановъ отличился на морѣ, а его сдѣлали градоначальникомъ Петербурга, а теперь въ Архангельскѣ (послѣ немилости)—Баранову дать бы назначеніе на морѣ и онъ былъ бы на мѣстѣ. Также Фадѣева, автора брошюры «Вооруженныя силы Россіи», можно было бы употребить съ большою пользою въ реформированіи арміи, а его прочать въ начальники главнаго управленія по дѣламъ печати. Что можетъ выйти изъ такого концерта,

въ которомъ Венявскаго заставляютъ пѣть, а Патти разыгрывать на скрипкѣ. Вѣроятно, новая метла плохо мететъ, хотя и новая, а авторитета нѣтъ. Революціонныя изданія, несмотря на запреты и облавы, продолжаютъ выходить и будоражатъ общество. Вспомнилъ анекдотъ про Куника. Говорятъ, что революціонныя изданія регулярно получались всѣми высокопоставленными лицами. Только одну Академію (по случаю ея застарѣлости) обошли г-да революціонеры.

Куникъ, какъ библіофилъ этому обидѣлся и, собравъ нѣсколько прокламацій, пріобрѣлъ ихъ къ Академической Библіотекѣ, а за недостаточностью экземпляровъ обратился къ Гурко, мотивируя это тѣмъ, что эти документы имѣютъ историческое значеніе. Но Гурко далъ ему такой нагоняй, что онъ вѣрно въ другой разъ не сунется. Я слышалъ, впрочемъ, раньше другую версію. Рассказывали, что Куникъ получалъ раньше всѣ прокламаціи и бережно хранилъ ихъ въ Библіотекѣ Академіи, а когда ему не дослали послѣднихъ изданій, то онъ попросилъ Зурова пополнить его коллекцію. Тотъ ужасно взбѣсился.

Подхалимство прессы дѣлаетъ то, что правительство, убаюкиваемое подлымъ, приниженнымъ тономъ газетъ, заблуждается насчетъ недовольства общества. А ему это нужно знать, въ виду всякихъ случайностей. Всю силу, которую правительство получило послѣ 1-го марта, оно утратило теперь въ глазахъ общества. Инцидентъ исчерпанъ, какъ сказалъ тогда Аксаковъ,— и пользы отъ этого властямъ мало. Оно также разобщено съ обществомъ, какъ и прежде.... Грустно, но видно, что идемъ вѣрными шагами къ какому-то громадному перевороту.

Дѣлаютъ, но не то, что нужно. Не чувствуется опытной умѣлой руки въ общемъ государственномъ управленіи: берутся за все ошупью (какое то *tatonnement*). Мѣры хороши, намѣренія еще лучшія, а недостаетъ смысла и умѣнія. Сейчасъ видно хорошаго кучера, а тутъ постоянно чувствуется, что кучерь и остороженъ иногда не въ мѣру и возжи не такъ держитъ, не умѣетъ развернуть лошадей въ карьеръ. «*Le gouvernement c'est une question de tod*», говорилъ Наполеонъ. Въ томъ-то и дѣло, что все въ рукѣ,—какъ взять вожжи, когда отпустить, когда подтянуть... Передъ свѣдущими людьми прямо выдали себя. *Armuth's Zeugnis*, да, мы ничего не понимаемъ. Вы—излюбленные люди, а выходитъ, что излюбленные люди по знакомству приглашены—комедіи, не удовлетворяющія ни общество, ни государственныя нужды. Боятся они слова «конституція», какъ жупела, а при конституціи бисмаркизмъ и т. д. является иногда самодержавиѣе самодержавнаго царя.

На что, спрашивается, это свѣдущіе люди? Воспользоваться знаніемъ нѣсколькихъ лицъ—это, положимъ, будетъ достигнуто... Но зачѣмъ же тогда играть въ конституціонную комедію? Вы, дескать, земскіе люди, а мы хотимъ у васъ поучиться. Вмѣстѣ съ этимъ, если думаютъ отвести глаза съ помощью прессы (въ родѣ «Нов. Вр.»), то эта цѣль не достигнута. Какіе же это излюбленные люди? Кто ихъ выбиралъ? Кто ихъ уполномочилъ? Никто. И общество все же остается съ прежнею своею тоскою. Развитыхъ людей вся эта комедія слишкомъ мало удовлетворяетъ, а народъ, да ему какое дѣло до свѣдующихъ людей?.. Земскій соборъ еще могъ бы удовлетворить кое-кого, но это слово бояться выговорить. Самъ Игнатъевъ вѣрно чувствуетъ, что на одномъ самодержавіи не выѣдешь, и вотъ онъ такіе кунштюки выкидываетъ. Конституція съ безмолвнымъ *Congrs Législatif*, съ рѣчистымъ *Tribunat* была куда выше, но и эта конституція при Наполеонѣ I не была живуча. По-моему, надо итти слѣпо на конституціонный путь или бросить всѣ затѣи, въ родѣ свѣдующихъ людей, заигрыванія съ земствомъ. Деспотизмъ Наполеона I, Фридриха II имѣетъ тоже свое обаяніе, но для этого надо быть Наполеономъ—надо въ извѣстный моментъ преобладать надъ всѣмъ, всѣмъ, всѣмъ и воплощать въ себѣ высшій разумъ націи и исторіи, а эти заигрыванія приведутъ къ катастрофѣ рано или поздно. Извѣрившись въ себѣ, самодержавіе, какъ ни стараются вдохнуть въ него силу Катковъ и Аксаковъ, приведетъ къ полному разстройству. Не было самодержавіе Наполеона, Фридриха V. и даже Бисмарка, но они вѣрили въ себя, и опытъ показалъ, что они стояли въ извѣстный моментъ во главѣ народа и государства.

Гнетъ, лежащій на прессѣ, ожесточаетъ иныхъ, заигрываніе съ земствомъ вызываетъ улыбку серьезныхъ людей. Привѣтливое обращеніе съ людьми, избранными изъ среды общества самимъ Игнатъевымъ, роняетъ престижъ власти. И все это вмѣстѣ производитъ впечатлѣніе нерѣшительнаго, безтолковаго, иногда жестокаго, иногда мягкаго, иногда либеральнаго, иногда самодержавнаго правительства.

Единеніе царя съ народомъ совершилось, по выраженію Аксакова, пока въ Москвѣ и въ Костромской губерніи. Но вотъ какая картина представилась на маленькой станціи Николаевской дороги. Вся дорога оцѣплена войсками, бивуакирующими вдоль полотна съ огнями. Всѣ—начальникъ станціи, кассиръ, прислуга, всѣ сидятъ подъ замкомъ въ своихъ комнатахъ, а въ это время при гробовомъ молчаніи пролетаетъ поѣздъ. Вотъ и единеніе! Да развѣ Петръ I (абсолютизмъ и даже квинтъ-эссенція абсолю-

тизма) послѣ стрѣлецкаго бунта, Наполеонъ послѣ взрыва бомбы и заговора Кадудая и др. такъ прятались? Они шли въ народъ и жили съ нимъ одною жизнью.

Все это было бы смѣшно, если бы это не отразилось современемъ какою-нибудь катастрофою. При жизни въ Гатчинѣ—Петербургѣ, т.-е. народъ, отвыкнетъ отъ царя. Его онъ хвалить. Онъ можетъ быть не Людовикомъ XVI, но можетъ быть Карломъ I. Послѣ 1-го марта необходимъ былъ человѣкъ съ громадными умственными силами, безстрастный до отваги, человѣкъ, про котораго сложились бы сейчасъ легенды о его неустрашимости, о томъ, какъ онъ на извозчикѣ ѣхалъ—даже нѣчто въ родѣ Николая.

А. И. Васильчиковъ.

Я прочиталъ въ газетахъ о смерти Васильчикова. Подумаешь, и тутъ лицемѣріе и партійность. Читаешь и не вѣришь глазамъ. Онъ былъ безспорно умный человѣкъ, полезный и хорошій писатель.—Этотъ человѣкъ, котораго я знаю послѣ близкаго знакомства съ нимъ, представлялъ странный контрастъ. Въ книгахъ своихъ (про которыя злые языки говорили, что онѣ пишутся студентами и т. д., а князь только сортируетъ матеріаль и потомъ выступаетъ въ свѣтъ) онъ является демократомъ и даже немного социалистомъ. Въ жизни онъ былъ совсѣмъ другой. Въ немъ была непріятная *morgue* англійскаго лорда. Въ засѣданіи земскихъ людей его не любили за этотъ аристократизмъ, за это высокомерное обращеніе съ людьми. То же было и въ Славянскомъ Комитетѣ. Онъ не всѣмъ подавалъ руку, и это обижало многихъ. Сухой, длинный, костлявый, съ портфелемъ подъ мышкою, онъ подавалъ руку ближайшимъ, напр., Ламанскому и мнѣ, какъ секретарю, а остальнымъ отвѣшивалъ поклонъ. Въ обращеніи съ людьми у него было много рѣзкости (что французы называютъ *cassant*) и даже деспотическія замашки, онъ не сносилъ людей ниже себя (должно быть по натурѣ), разночинцевъ, въ родѣ Васильева, Аристова и др. и всегда брезгливо относился къ нимъ. Онъ и не былъ способенъ на такой поступокъ, какъ рѣчь Аксакова (первая и вторая), онъ дѣйствовалъ съ оглядкою, справлялся, какъ думаютъ повыше. Онъ, вѣрно, былъ честолюбивъ и слегка будировалъ правительство, но всегда старался сохранить прежнія связи.

Какъ кабинетный ученый, аристократъ и богатый землевладѣлецъ, взявшій на себя защиту народа, народной собственности, онъ выдѣляется среди нашихъ дѣятелей. Онъ никогда не сдѣлалъ ни одной политической безтактности. Но это не чело-

вѣкъ инициативы или челоуѣкъ порыва (въ его время Славянскій Комитетъ обратился въ отдѣленіе Азіатскаго департамента и утратилъ всякое значеніе), онъ не допускалъ никакихъ научныхъ заявленій, боялся ихъ и даже выразилъ мнѣ свое несочувствіе о рѣчи Аксакова по поводу Восточнаго вопроса. «Не надо стеколь ломать. Эта рѣчь—большая безтактность», сказалъ онъ тогда. Съ большимъ честолюбіемъ ему хотѣлось во что бы то ни стало играть роль и вотъ почему, не зная почти славянства и не сочувствуя душою возрожденію славянства, онъ принялъ на себя званіе предсѣдателя. Онъ игралъ на модный мотивъ: земство, самоуправленіе, дешевый кредитъ, славянство, а въ душѣ это былъ черствый, сухой, разсудочный челоуѣкъ съ аристократизмомъ до кончика ногтей. Если бы у насъ была бы конституція—онъ могъ бы сыграть нѣкоторую роль, но не надолго.

Онъ не обладалъ краснорѣчіемъ Аксакова или Ковалевскаго. Рѣчь его никого не воспламеняла и не дѣйствовала на людей, подобно Достоевскому, и, потому, онъ былъ все-таки не оригиналенъ. Трудолюбивый и знающій, онъ повторялъ чужія мысли. Онъ былъ хорошій компиляторъ. Правда, ему теперь воскуриваютъ фиміамъ, *est modus in rebus*,—воскуриваютъ ему за записку Толстому, за его сочиненія и потому, что этого требуютъ теперь интересы партіи. Все у насъ не спроста дѣлають. Дѣлають овацію Достоевскому (понимай: дѣлають овацію бывшему петрашевцу, бывшему на каторгѣ). Вездѣ пробивается тонкою струйкою въ газетахъ, въ журналахъ оппозиція, но все это такъ спрятано, что непосвященному челоуѣку трудно разглядѣть. Кн. Васильчиковъ никогда не былъ конституціоналистомъ (и это высказывалъ въ разговорѣ) и даже не былъ славянофиломъ, игнорируя славянство, смѣялся надъ нашими общественными силами, и не вѣрилъ въ зрѣлость русскаго общества, но онъ имѣлъ тактъ этого не заявлять публично и хранить объ этихъ вещахъ молчаніе, потому онъ теперь получилъ свой апоѳеозъ и надъ нимъ теперь будутъ проливать слезы сожалѣнія. Вотъ какъ пишется исторія. Всѣмъ, знавшимъ близко Васильчикова въ роли предсѣдателя Славянскаго Комитета, покажется страннымъ его демократическая книга. Въ приѣмѣ добровольцевъ, требующихъ пособія, онъ былъ безжалостно строгъ и даже дерзокъ съ людьми, которымъ комитетъ оказывалъ помощь. Черствый, чопорный и холодный на видъ, наводилъ уныніе на тѣхъ, которые приходили просить помощи. Идите—ничего не могу.

Къ Аристову и проч. онъ питалъ просто презрѣніе.

— «Вотъ онъ,—сказалъ онъ мнѣ,—хотѣлъ вдругъ ворачать европейскими дѣлами».—Чуть не сказалъ про нихъ, что такая

сволочь много о себѣ воображаетъ. Вообще былъ брезгливъ съ плебсомъ. Въ Новгородѣ, когда онъ былъ предводителемъ дворянства, онъ тридцать тысячъ (или болѣе) ухлопалъ дворянскихъ денегъ (которыя шли на воспитаніе дворянъ) для постройки дворянскаго дома.

Заканчивая характеристику, могу сказать, что это натура сложная. Лордъ съ дворянскими замашками, увидѣвъ, что дворянство теряетъ почву и что правительство не сумѣло оцѣнить его ума и способностей, пошелъ къ замарашкамъ, которыхъ презиралъ въ глубинѣ души. Эта брезгливость, презрѣніе къ плебсу было сильнѣе самого князя и онъ не умѣлъ скрыть это. Во всякомъ случаѣ, жалко, что такіе люди, какъ Васильчиковъ, не находятъ себѣ поприща и что правительство не воспользовалось его способностями. Онъ былъ умнѣе многихъ нынѣшнихъ знаменитостей и былъ бы полезнѣе ихъ.

Письма Дараганъ и Кривенко.

1.

Пишите, Григорій Александровичъ, не будируйте за то, что я сама рѣдко пишу, право, это все отъ хандры; что же вашъ романъ въ «Словѣ». Или не пройдетъ, можетъ быть, вѣдь теперь что-то ужасное творится съ цензурой, скоро нечего читать будетъ. Ужъ и времячко, нечего сказать. Хуже всего, что рѣшительно ничего нельзя понять: при Николаѣ, по крайней мѣрѣ, просто и откровенно душили и кричать не велѣли, ну и понятно. А теперь только и можно видѣть, что есть два какія-то теченія: съ одной стороны призываютъ общество къ содѣйствію, но пока выражается это содѣйствіе только созваніемъ «нотаблей» для совѣщанія о кабакахъ (все-то у нихъ какъ-то странно, чтобъ не сказать пошло, выходить; а можетъ быть и правы, что съ этого начинаютъ, вѣдь не даромъ же Крыловъ говорилъ, что исторія русскаго народа исчерпывается *Исторіей кабаковъ въ Россіи*; (кстати, не забудьте мнѣ писать, если знаете, есть ли въ продажѣ эта книга Прыжова и можно ли ее выписать, ненавлекая подозрѣній). А, рядомъ съ этимъ, пресса не смѣетъ ничего обсуждать, газеты закрываются одна за другою; вотъ мы уже третью перемѣнили: «Голось», «Новую Газету», «Московскій Телеграфъ», и вотъ уже недѣля, какъ и послѣдняго не получаемъ; можетъ, тоже запретили, а мы еще и не знаемъ.

На-дняхъ, напр., получили всѣ домовладѣльцы въ Ялтѣ и окрестностяхъ изданныя ген.-губ. правила: о паспортахъ, ору-

жи, строжайшемъ надзорѣ за прїѣзжими, крайне для всѣхъ стѣснительныя, и вдругъ прїѣзжаетъ самъ Дондуковъ-Корсаковъ, видитъ въ гостиницѣ прибитыя на стѣнѣ свои «Правила» и срываетъ ихъ собственноручно, говоря, что это можетъ только напугать публику, разогнать всѣхъ изъ Ялты. А на другой день объѣзжаетъ всѣ дома урядникъ и отбираетъ у насъ, уже полученные нами, эти злосчастныя «Правила». Вы, конечно, этому не повѣрите (я сама тоже бы сдѣлала, не выдавши всего), но я не прибавила ни одного слова отъ себя; а вѣдь, неправда ли, даже Щедринъ ничего не выдумалъ сильнѣе. Не знаешь, какъ разобратъ въ этой чепухѣ. А, между тѣмъ, искренно жаль бѣднаго государя, который такъ, очевидно, хочетъ всего хорошаго, но не ясно видитъ средства къ достиженію цѣли. Кажется, что увлекается недовѣріемъ ко всѣмъ (отчасти, впрочемъ, понятнымъ), а самъ добровольно лишаетъ себя самого вѣрнаго содѣйствія общества, стѣсняя печать.

Вы, можетъ быть, найдете все это лишнимъ, да и отвѣтить не можете такъ свободно обо всемъ (вѣдь я только съ Ол. Ал. рѣшаюсь писать даже эти невинныя вещи), но мнѣ такъ захотѣлось сказать вамъ все, о чемъ думаю, а здѣсь я рѣшительно ни съ кѣмъ не говорю.

Искренно преданная вамъ

С. Д.

9-го октября 1881 г.
Ялта.

2.

Іюль, 9-е, 1881 г.

Многоуважаемый Григорій Александровичъ!

Сейчасъ я получилъ начало «Полной чаши» и ваше письмо. Пожалуйста, извините, что редакція замедлила высылкою вашей рукописи; не до того было все это время, какъ сейчасъ увидите. Сначала, впрочемъ, скажу Вамъ, что продолженіе «Полной чаши» распоряжусь послать къ вамъ завтра же, а что касается до маленькой вашей повѣсти, то она очень понравилась обоимъ нашимъ редакторамъ, гораздо лучше обработана въ литературномъ отношеніи и назначена въ іюльскую книжку. Придется ли только ей увидѣть свѣтъ—не знаю, ибо дѣла «Слова» въ высшей степени печальны. Вотъ въ чемъ бѣда, Григорій Александровичъ, намъ не хотятъ утверждать ни постояннаго, ни временнаго редактора... О г-нѣ Альбовѣ въ д-тѣ государственной полициі, говорятъ, былъ благопріятный отзывъ, но министръ внутреннихъ

дѣль, тѣмъ не менѣе, его не утвердилъ. Вяземскій, давъ слово, что его ни за что не утвердятъ, вѣроятно, настоялъ на своемъ. Прошеніе о васъ подавалось два раза, но оба раза его не приняли, сказавъ, чтобы сначала дожидались отказа въ утвержденіи Альбова. Когда 16 іюня, наконецъ (черезъ два мѣсяца слишкомъ), получился такой отказъ, то просить опять о васъ мы затруднились: 1) подумавъ, изъ двукратнаго отказа принять прошеніе, что и васъ не хотятъ утвердить, а 2) очень тороплюсь подачею прошенія, а вашего вида не было подъ руками. Поэтому, 17 іюня было подано прошеніе о г. Златовратскомъ (состоявшемъ до сего времени редакторомъ «Русскаго Богатства») и вслѣдъ затѣмъ о г. Плещеевѣ, предоставивъ Глав. упр. по д. п. сдѣлать выборъ или утвердить ихъ обоихъ редакторами. Но съ 17 іюня до сихъ поръ нѣтъ никакого отвѣта. Департаментъ государственной пол. далъ и о г. Златовратскомъ хорошій отзывъ, но доклада министру Вяземскій до сихъ поръ еще не дѣлалъ и не общается опредѣленно, когда именно сдѣлаетъ. Вслѣдствіе того, что со мною и повѣреннымъ издательницы обращались въ Глав. управл. по д. п. очень грубо, не выслушивая, не давая отвѣтовъ, смѣялись прямо въ глаза надъ комическимъ положеніемъ журналистовъ безъ журнала, я вызвалъ изъ деревни бывшую издательницу, и вотъ что ей самой на-дняхъ категорически объявили въ Гл. упр. по д. п.: Вяземскій опять сказалъ, что временнаго редакторства онъ никому разрѣшить не можетъ, а утвержденіе постоянного редактора зависитъ отъ министра, къ которому и рекомендуетъ обратиться, такъ какъ все промедленіе въ этомъ дѣлѣ зависитъ отъ него. Г. Адикаевскій, разсердившись на что-то, былъ гораздо откровеннѣе и сказалъ издательницѣ публично отъ лица Главнаго управленія слѣдующее: «Докладъ о Златовратскомъ мы сдѣлаемъ черезъ недѣлю, черезъ мѣсяцъ, черезъ два... Но это все равно для васъ потому, что представляйте вы хоть 20 чело-вѣкъ въ редакторы и пускай д-тъ государственной полиціи даетъ о нихъ самые лестные отзывы, то и тогда ни одного изъ нихъ мы вамъ не утвердимъ. Вамъ остается одно изъ двухъ: или ликвидировать журналъ, или же представить въ редакторы кого-нибудь изъ двухъ: Каткова или Побѣдоносцева». Какъ вамъ понравится эта категоричность и этотъ цинизмъ насмѣшки и произволь. Право, опускаются руки и нападаетъ отчаяніе... Была издательница и у министра, объяснивъ все дѣло, подала прошеніе, но получила въ отвѣтъ только обѣщаніе поговорить съ Вяземскимъ, отъ котораго все это зависитъ. Результата пока никакого не послѣдовало. Между тѣмъ, подписчики шлютъ каждый день массу писемъ, требуя запоздавшихъ книжекъ, или денегъ, упрекая въ

недобросовѣстности и т. д.; майская и іюньская книжки лежать въ типографіи совершенно готовыя (іюль набирается), сотрудиникамъ платится, наборщикамъ платится, конторщикамъ платится и т. д.; полугодовая подписка и досылка разсроченныхъ денегъ пріостановилась; а впереди обязательства въ 100,000 руб., по которымъ съ пріостановкой журнала, можетъ послѣдовать искъ, и потеря 15.000 сверхъ того затраченныхъ, не считая подписной суммы, которую нужно будетъ еще возвратить. Очевидно, они хотятъ закрытія журнала, но не имѣя для этого законныхъ основаній, желаютъ довести его до изнеможенія и заставить самому ликвидироваться. Такъ это и говорятъ съ откровенностью. Вы видите, что Глав. управ. по д. п. стоитъ на совершенно незаконной почвѣ и не желаетъ, имѣя полную возможность закрыть журналъ или отдать другимъ обыкновенными путями, сойти съ этой почвы, и сдѣлать противъ этого ровно ничего не можете. Связей и протекціи у насъ рѣшительно никакихъ нѣтъ, а будь онѣ, вѣроятно, такъ не поступили бы съ нами. Любопытиѣе всего во всей этой исторіи то, что намъ ставится въ вину прошлое журнала, къ которому мы не имѣли ни малѣйшаго прикосновенія, что за грѣхи другихъ должны поплатиться (и матеріально и нравственно) мы, взявшіе журналъ только въ апрѣлѣ мѣсяцѣ. Просто не знаю, что и дѣлать. Не посовѣтуете ли вы, Григорій Александровичъ, что-нибудь предпринять или къ кому-нибудь обратиться. Не знаете ли вы чего о Фадѣевѣ. Онъ теперь пользуется здѣсь большимъ вліяніемъ, въ особенности въ министерствѣ внутр. д. и по дѣламъ печати. Говорятъ, что онъ будетъ назначенъ вмѣсто Вяземскаго. Ему приписываютъ брошюру, вышедшую въ Лейпцигѣ, у Брокгауза: «Письма о современномъ состояніи Россіи», которую почти всѣ комментируютъ. Не обратиться ли къ нему съ объясненіемъ положенія вещей, которое положительно компрометируетъ тѣхъ, кто его создаетъ, въ особенности, когда мы желаемъ и просимъ только одного—законности. Утопающій, говоритъ пословица, хватается и за соломинку. Словомъ, Григорій Александровичъ, если можете что-нибудь сдѣлать или присовѣтовать, то очень обяжете. Не будете ли въ Петербургѣ?

Преданный Вамъ *С. Кривенко.*

Между прочимъ, сообщу Вамъ вотъ что: когда подавалось прошеніе о Златовратскомъ, то Вяземскій спросилъ—почему же не о де-Волланѣ, о которомъ хотѣли сначала просить. На это было отвѣчено, что вслѣдствіе двукратнаго отказа принять прошеніе, мы подумали и т. д. А можетъ быть они Васъ и утвердятъ. Подать прошеніе еще можно вѣдь. Какъ Вы объ этомъ думаете?

3.

Пожалуйста, извините меня, многоуважаемый Григорій Александровичъ, за мою медленность и неаккуратность по исполненію Вашего порученія. У меня такъ много всякихъ хлопотъ, работы и бѣготни, въ особенности теперь, когда всѣ разъѣхались по дачамъ, что немудрено быть неаккуратнымъ. Когда, послѣ перваго Вашего письма, я справлялся о Вашихъ рукописяхъ, то ихъ въ конторѣ еще не было (онѣ были въ редакціи); а затѣмъ я ѣздилъ въ Москву, гдѣ прожилъ около трехъ недѣль; потомъ вышла путаница съ Ор. Миллеромъ и Плещеевымъ (я понадѣялся на нихъ, а они на меня), наконецъ переговоры съ «Устоями». Словомъ—длинная исторія, а короче—повѣрьте, что вовсе не небрежность, а извинительная причина сдѣлала меня въ данномъ случаѣ неаккуратнымъ. Теперь Вы, вѣроятно, уже получили рукописи. Я ихъ Вамъ отправилъ дня три-четыре тому назадъ. И вотъ Вамъ примѣръ: по крайней мѣрѣ три дня не могъ выбрать десяти-пятнадцати минутъ, чтобы написать Вамъ нѣсколько строкъ. Теперь, впрочемъ, нѣсколько освободился и ѣду до воскресенья въ Чудово, къ своей женѣ, которая тамъ живетъ на дачѣ, неподалеку отъ Глѣба Ивановича. Вы говорите относительно помѣщенія «Полной Чаши» въ «Устояхъ». Это хорошо было бы сдѣлать и можно было бы сдѣлать, только вотъ въ чемъ бѣда: дни «Устоевъ» сочтены по недостатку средствъ, и если въ теченіе двухъ-трехъ недѣль положеніе не измѣнится, то врядъ ли они будутъ существовать. Вотъ, не хотите ли имѣть свой органъ. Чтобы довести до конца года нужно очень немного—тысячъ 6—7, даже съ 5-ю и имѣющимися остатками можно дотянуть до подписки. Если бы явилось, въ самомъ дѣлѣ, желаніе, то напишите—переговорю по этому поводу и сообщу подробности, а то сами пріѣзжайте въ воскресенье. Остановиться можете у меня, такъ какъ я теперь совершенно одинъ въ квартирѣ и это доставитъ мнѣ такое удовольствіе. Затѣмъ позвольте пожелать Вамъ всего хорошаго и засвидѣтельствовать Вамъ свое почтеніе.

С. Кривенко.

Глѣбъ Ивановичъ отправился путешествовать. Вчера получилъ отъ него телеграмму изъ Нижняго Новгорода.

4.

Многоуважаемый Григорій Александровичъ, очеркъ Вашъ я уже передалъ въ «Устой». Извините, пожалуйста, что про-

медлилъ отвѣтомъ. Все были надежды, все хотѣлось написать Вамъ что-нибудь радостное, но... ничего радостнаго не послѣдовало. Спасибо Вамъ за участливое отношеніе. Глѣбъ Ивановичъ живетъ теперь въ Чудовѣ, собственно въ Сябринцахъ, въ 4 верстахъ отъ Чудова. Въ свою очередь преданный Вамъ

С. Кривенко.

Я сейчасъ ѣду дня на два въ Москву. По возвращеніи, напишу Вамъ.

5.

Письма-го Ваши, добрѣйшій Григорій Александровичъ, я получилъ, только что Вамъ отвѣтить на нихъ—право не знаю, потому что журналъ находится все въ томъ же несчастномъ положеніи, въ какомъ и находился... Повидимому, положеніе это, несмотря на всю его несправедливость, желаютъ длить неопредѣленное время, такъ какъ относительно Златовратскаго и Плещеева до сихъ поръ нѣтъ отвѣта (съ 17 іюня), а словесно говорятъ теперь: Представьте редактора съ *твердымъ правительственнымъ направлениемъ* (точно—представленные нами—имѣютъ слабое или совсѣмъ антипотребное направленіе), *который совмѣщала бы въ себѣ служебныя заслуги съ литературными и былъ намъ (?) извѣстенъ, потому что одного одобрительнаго отзыва департамента государственной полиціи недостаточно*. Вотъ и ищите теперь такую, поистинѣ, жаръ-птицу. Собственно говоря, требуютъ вѣдь представить знакомаго имъ человѣка, но кому знакомаго—неизвѣстно. Словомъ, положеніе совсѣмъ невозможное и совсѣмъ невѣроятное, какое-то константинопольское положеніе. Просишь, вѣдь, только одного: законности и охраненія имущественныхъ правъ, которыя съ каждымъ днемъ уменьшаются, потому что подписчики уходятъ и изданіе обезцѣнивается; но и этого никакъ не можешь добиться. Говоришь: «У васъ цѣлый арсеналь предусмотрѣнныхъ закономъ каръ, давайте предостереженія, пріостанавливайте изданіе, закрывайте совсѣмъ, задерживайте и жгите книжки, предавайте насъ суду, словомъ,—дѣлайте что угодно, только стойте на законной почвѣ, все это въ вашихъ рукахъ и въ вашей власти...» Нѣтъ, даже и не слушаютъ. Говоришь, что вы недовольны, вѣдь, на старое «Слово», а караете насъ, только въ него вступившихъ и связавшихъ съ нимъ свою судьбу; и этого не слушаютъ. Васъ тоже не хотятъ утвердить редакторомъ. Вчера самъ Вяземскій вспомнилъ про Васъ и сказалъ, что не утвердить и Васъ. Вы все-таки по-

звольте подать о Васъ прошеніе, когда получится отказъ относительно З. и П., потому что, можетъ быть, они и поймутъ, что дѣлають беззаконіе и не имѣють права не утверждать всѣхъ тѣхъ, кого они только не знаютъ близко. Былъ я и у г. Фадѣева (по рекомендаціи двухъ общихъ знакомыхъ), но налетѣлъ, какъ говорится, съ ковшомъ на брагу. Встрѣтилъ онъ меня до того надменно и черство, что я поспѣшилъ поскорѣе убраться. Теперь совсѣмъ не знаю, что предпринять и къ кому обратиться, а обратиться къ кому-нибудь нужно, потому что протекція, къ сожалѣнію, продолжаетъ играть очень большую, если только не главную, роль даже въ самомъ справедливомъ дѣлѣ. Брошюры Вашей въ продажѣ еще нѣтъ, а «Письма о совр. сост. Россіи» кто-то у меня взялъ и не несетъ до сихъ поръ. Не придумаете ли, Григорій Александровичъ, Вы чего-нибудь для злополучнаго «Слова».

Преданный Вамъ

С. Кривенко.

Хотѣлъ для успокоенія подписчиковъ сдѣлать самую краткую и совершенно безобидную публикацію, но оказалось, что публиковать нельзя, такъ что, сверхъ разоренія, Вы еще имѣете въ перспективѣ остаться передъ публикой въ самомъ скверномъ свѣтѣ и не имѣете возможности оправдаться даже.

13 іюля 1881 г.

Гр. де-Волланъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Очерки прошлаго¹⁾

Дневникъ за 1882 годъ.

1 апрѣля 1882 г.

Все идетъ къ разговорамъ.—Во главѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ назначенъ Гирсъ, говорившій еще директору азіатскаго департамента, что у него каша въ головѣ. Онъ, съ своею кашею въ головѣ, въ союзѣ съ мякающимъ Мельниковымъ—люди не инициативы, а жалкія посредственности, безъ всякой творческой мысли въ головѣ. Въ Петербургѣ прозвали министерство посредственностей,—без.... министерство. Если сравнить начало прежняго царствованія съ нынѣшнимъ, то надо отдать предпочтеніе первому. вмѣсто Милютина посредственный Ванновскій, вмѣсто Горчакова, обладавшаго способностями государственнаго человѣка, Гирсъ, одинъ только Игнатъевъ представляетъ въ числѣ этихъ nullités крупную величину, но что онъ можетъ сдѣлать. Опытъ съ свѣдущими людьми потерпѣлъ полное фіаско, и даже газеты перестали печатать отчеты изъ Совѣщательной залы. Сбавка рубля съ выкупныхъ платежей никого не удовлетворила и только разожгла аппетиты. Выходитъ гора мышъ родила, и всѣ прелестныя ожиданія улетучились прахомъ. Бѣдная Россія—за что на тебя такія напасти. Не оскудѣла ты людьми? Нѣтъ, люди есть, но теперь настало царство посредственности, и много бѣдъ ожидаютъ тебя. Внутри слабость, нерѣшительность и постоянные подземные удары, а во внѣшней политикѣ униженіе и позоръ.

Николай I, вступая на престоль, энергически дѣйствовалъ противъ пробужденія мысли, но онъ далъ странѣ въ видѣ компенсаціи—внѣшнее величіе и авторитетъ. Но съ Гирсомъ и Мельниковымъ и этого ожидать нельзя. Мы будемъ рабами Германіи, Турціи, Англіи, всѣхъ тѣхъ, которые будутъ имѣть смѣлость пригрозить намъ.

¹⁾ См. «Гол. Мин.» № 5.

5-е апрѣля.

Замѣчательно, что у насъ газеты всегда радуются и хвалятъ новое назначеніе и провожаютъ министра всегда съ критикою; это показываютъ, что у насъ пресса *самая свободная* и самая честная въ мірѣ. При назначеніи Гирса кромѣ обычныхъ курбетовъ прессы передъ восходящимъ свѣтиломъ слышится и ликующей голосъ заграничной прессы. Даже фонды наши поднялись на 2%. Ура, Гирсъ съ его присными! У насъ и свой Биконсфильдъ появился, но безъ творческаго генія и талантовъ англійскаго премьера. Поднятіе нашихъ фондовъ на лондонской биржѣ показываетъ, какъ насъ боятся даже и теперь, когда мы тише воды, ниже травы. Потомъ за границей радуются, что во главѣ нашей иностранной политики появилась бездарность, которая будетъ все уступать и ежиться. Куда мы придемъ, если пресса будетъ славословить всѣ дѣйствія правительства, а во главѣ будутъ жалкія бездарности. Точно людей нѣтъ въ Россіи. Ну, назначили бы Игнатьева или Стремоухова на мѣсто министра иностранныхъ дѣлъ. Около Гирса группируется все менѣе талантливое въ министерствѣ. Ни въ одномъ изъ его помощниковъ не видно проблеска творческой мысли. Машина государственная ухудшается. Рыба начинаетъ гнить съ головы,—говоритъ Юнинъ. У насъ есть Лорисъ, Скобелевъ, Стремоуховъ, Зарудный, даже Ламанскій, Абаза, Милютинъ и все это не у дѣлъ— а *le haut du ragé* занимаютъ Гирсъ, Мельниковъ, Ламздорфъ, Броссе (мин. ин. дѣлъ), Ванновскій, Бунге (по увѣренію его сослуживцевъ это ученая бездарность), Поссъеть и т. д. Конечно, нашимъ заграничнымъ друзьямъ есть причина радоваться и ликовать. При такихъ людяхъ, какъ Гирсъ, Новиковъ, Горчаковъ младшій, Убри, Сабуровъ, при такихъ министрахъ, какъ Ванновскій, Россія никогда не будетъ играть большой роли въ Европѣ и наши заграничные менторы (Бисмаркъ) будутъ нами помыкать. Не оскудѣла Россія талантами—они есть и между старыми и молодыми дѣятелями, но нежеланіе выбрать подходящихъ людей. Больше всего бѣситъ подхалимство, молчалинство прессы... Она захлебывается отъ восторга и умиленія отъ всякой правительственной мѣры, а на повѣрку выходятъ все какіе-то мертворожденные выкидыши (свѣдующіе люди, сбавка рублевая, питейный вопросъ, выборъ людей—развѣ только новая форма мундировъ, домовитость). Да оглянитесь же, очнитесь и подумайте, куда вы идете—не революціонеры, а вы сами ведете къ революціи своими геніальными мѣропріятіями.

А крамола все-таки даетъ себя знать. Стрѣльниковъ убить. То, что я писалъ въ началѣ прошлаго года, существуетъ и теперь. При вступленіи въ царствованіе необходима была желѣзная рука Николая, Петра или Наполеона I.

Или бѣлый терроръ, или начать либеральную эру,—а у насъ ни то, ни се. Прежде пресса была несвободная, а теперь она исподлилась, испакостилась.

Бьютъ по карману представителей прессы, и потому они изъ-за пятаконъ лѣзутъ на стѣну, византійствуютъ, подличаютъ. А какой толкъ? Строгости мало, но и свободы мало. Всѣ недовольны, всѣ жаждутъ переменъ, что тамъ ни говори.

Общество жаждетъ сильныхъ ощущеній, и тутъ размазня, нерѣшительность, неудовлетворенность, неувѣренность въ своихъ силахъ не помогутъ. Тутъ помогутъ сильныя средства въ ту или другую сторону. Давайте намъ Петра или Александра I. Одно изъ двухъ. Но теперь видно, что этого не дожидаться и докувыркаемся мы до катастрофы.

Апрѣль 1882 г.

Я забылъ внести въ свой журналъ разсказъ одного знакомаго Окунева о дѣйствіяхъ нѣкоторыхъ помощниковъ Баранова. Кто имѣлъ первый мысль о Священной Дружинѣ, неизвѣстно. Знаю, что эта мысль во многихъ головахъ. Между прочимъ, Сев. Миллеръ говорилъ, что слѣдуетъ организовать антиреволюціонную дружину, которая будетъ убивать и ловить любителей динамита. Но эта мысль принесла свои плоды. Боби Шуваловъ и многіе другіе организовали тайную дружину, цѣль которой борьба съ революціей.

Щедринъ окрестилъ ее мѣткимъ названіемъ—общество свѣтскихъ лоботрясовъ. Въ обществѣ говорятъ объ ней и называютъ ее сосипантре или золотая рота. Про одну такую ловлю социалиста за городомъ, котораго видѣлъ одинъ, рассказывалъ очень драматически Окуневъ. Онъ и другъ его, Киселевъ, направились туда и были введены за перегородку. Иуда, входившій на это сборище, былъ влюбленъ въ одну дѣвушку, а она пренебрегла имъ и полюбила социалиста. Когда Киселевъ вошелъ къ нимъ, то они всѣ сдались съ большой покорностью. Киселевъ былъ добровольцемъ въ Сербіи и теперь по собственному желанію (вѣроятно, и изъ денежныхъ видовъ) взялся за дѣло Священной Дружины. Въ этой Дружинѣ фигурируютъ многіе статскіе совѣтники и люди изъ общества, получающіе громадное жалованье. Нѣмецкія газеты публикуютъ ихъ имена во всеобщее

свѣдѣніе къ великому огорченію Св. Дружины... Въ обществѣ относятся вообще иронически къ дѣйствіямъ этого Общества и поддержки ему ждать трудно. Увидимъ, что будетъ. Письма, говорятъ, всѣ распечатываютъ и читаютъ. Одинъ изъ сотрудниковъ «Новаго Времени» написалъ очень рѣзкое письмо о современномъ положеніи Аксакову. Потребовали для объясненій, и письмо оказалось на столѣ у министра внутреннихъ дѣлъ. Шпіонство, вскрытіе писемъ не помогаютъ правительству выйти изъ затрудненій. Вездѣ мерещится крамола—тысячеголовая гидра.

Всѣмъ извѣстно, какой переполохъ надѣлали новгородцы тѣмъ, что запретили своему предсѣдателю ѣздить въ Петербургъ въ качествѣ свѣдущаго человѣка. Игнатьевъ былъ очень недоволенъ нѣкоторыми ораторами на собраніи. Увидѣвъ Костливцева онъ спросилъ его: «Отчего это вы сказали, что ѣздили въ Петербургъ въ качествѣ частнаго человѣка, я васъ не знаю лично».

Костливцевъ: «А какъ же иначе, я не былъ уполномоченъ земствомъ на эту поѣздку»...

Вообще съ этими свѣдущими людьми произошелъ скандалъ. Нѣкоторые изъ нихъ, напр., Вагановъ и другіе, сдѣлаютъ карьеру, получаютъ камергерскіе ключи. Самый питейный проектъ былъ измѣненъ мин. финансовъ; свѣдующіе люди хотѣли in cogroge объявить въ Государственномъ Совѣтѣ, что ихъ проектъ измѣнили. Приписываютъ Марикину слѣдующія слова, сказанныя Игнатьеву: «Насъ позвали строить дома, а теперь, оказывается, кирпичи всѣ вытащилъ министръ финансовъ и оставилъ намъ известъ; такъ дѣлать не годится».

Эти слухи подтверждаются статьею Маркова о свѣдущихъ людяхъ въ «Новомъ Времени». Въ этой статьѣ онъ отмѣчаетъ слѣдующія три важныя обстоятельства: 1) общество охладѣло и приняло враждебно дѣятельность свѣдущихъ людей, 2) министерство финансовъ подало въ Государственный Совѣтъ проектъ закона, различный съ протоколомъ свѣдущихъ людей, оставивъ въ проектѣ только нѣкоторыя частности, а сущность труда свѣдущихъ людей была отвергнута, 3) свѣдущіе люди—это реальная мысль, порожденная горою иллюзіи—выраженіе Маркова. О, наивность, да всѣ знали, что свѣдущихъ людей призовутъ, а потомъ отправятъ ихъ по домамъ, не послушавшись ихъ совѣта. И къ чему вы пыжились? Все это надо было ожидать.

Свѣдущіе люди совсѣмъ провалились въ общественномъ мнѣніи. Всѣ о нихъ забыли.

Въ заграничной прессѣ масса каррикатуръ... И у насъ появилась карриатура, изображавшая собаку, къ которой при-

стаетъ назойливая муха. Послѣдняя картина изображаетъ эту собаку, уже сидящую въ будкѣ, и передъ носомъ летаетъ муха.

Эта карриатура надѣлала громаднѣйшій переполохъ. Самому издателю грозило разореніе и закрытіе журнала. Къ счастью онъ занялся болѣе тщательнымъ разсмотрѣніемъ злополучной картинки, надѣлавшей столько тревоги, и къ великому удовольствію разсмотрѣлъ, что на картинѣ изображена *сука*. Хлопнувъ себя по головѣ и, крикнувъ отъ радости: «эврика», онъ летитъ къ Вяземскому и Игнатьеву и, неся съ собою *corpus delicti*, кричитъ, увидѣвъ ихъ: «Ваше превосходительство—сука». — «Слава Богу, говорятъ, инцидентъ исчерпанъ».

Этотъ анекдотъ разсказалъ Суворинъ въ присутствіи нѣсколькихъ лицъ и за достовѣрность его можно ручаться. Вообще цензура теперь самая строжайшая и придирчивая.

Что Игнатьевъ не твердо сидитъ, объ этомъ говорятъ многіе. Великій Князь Алексѣй Александровичъ говорилъ Государю: «Сегодня 1-е апрѣля, сейчасъ Николай Павловичъ скажетъ правду».

Не буду вносить въ мой журналъ все то, что наполняло за это послѣднее время столбцы газетъ. Рѣчь Скобелева произвела сенсацію и въ Россіи, и въ Европѣ. Многіе въ Россіи видятъ въ Скобелевѣ надежду и славу Россіи. На запросъ германскаго правительства рѣшились сдѣлать выговоръ храброму генералу. Этотъ выговоръ былъ напечатанъ въ англійскихъ газетахъ, но чтобы не тревожить общественнаго мнѣнія въ Россіи, выговоръ не былъ обнародованъ въ русскихъ газетахъ. Все это показываетъ слабость и нерѣшительность власти. Ванновскій рѣшился сдѣлать выговоръ Скобелеву. Но Скобелевъ, какъ высокопревосходительный (Ванновскій только превосходительный) принялъ это очень фамиллярно и сказалъ, что онъ самъ сожалѣетъ. Во время аудіенціи у государя Скобелевъ сказалъ: «Несу повинную голову, русское сердце заговорило». Государь будто со слезами на глазахъ принялъ эти слова и наилучшимъ образомъ принялъ Скобелева.

Что въ немъ бездна честолюбія, самолюбія и т. д. въ этомъ, я думаю, никто не сомнѣвается. Онъ, какъ и Алкивиадъ, стремится отрѣзать хвостъ у собаки. Запрещеніе военнымъ чинамъ произносить тосты, рѣчи произвело громадное впечатлѣніе на Скобелева, который уже рѣшилъ подавать въ отставку. Его отговорилъ Обручевъ, сказавши ему, что онъ поставитъ въ затруднительное положеніе правительство. Въ минуту горечи и отчаянія онъ сказалъ: «Неужели вы ожидаете чего-нибудь отъ...».

Совершенно въ томъ же родѣ писалъ Черняевъ Аксакову

нѣсколько лѣтъ тому назадъ: «У насъ ничего хорошаго не будетъ...» Какъ тотъ, такъ и другой фактъ сообщенъ мнѣ людьми, которымъ я вполне вѣрю.

Слава, прибрѣтенная Игнатьевымъ въ Константинополь, померкла. Въ обществѣ называютъ его Ноздревымъ, Ментирь-паша, шарлатаномъ, Хлестаковымъ. Я всюду защищаю его, но мнѣ возражаютъ, что онъ — все, но не государственный человѣкъ. Правда, общество теперь похоже на нервную беременную барыню, которой трудно угодить. Заигрываютъ съ народомъ. Каждый день депутаціи отъ крестьянъ у царя. Неизвѣстно, фокусникъ ли Игнатьевъ или нѣтъ. На Нижегородской ярмаркѣ онъ для шутки въ 5 час. появлялся верхомъ съ нагайкою въ рукѣ, говорилъ съ каждымъ и у себя угощаль cadaго стаканомъ чая. Все это иногда необходимо для политическаго дѣятеля, но кроется ли за этимъ фокусничествомъ болѣе серьезная подкладка, вопросъ еще нерѣшенный. Въ особенности много толковали о рабочихъ (крючникахъ) на Николаевской ж. д., которые начали жаловаться на администрацію дороги прямо въ Гатчину. Велѣно разслѣдовать и оказалось, что рабочіе формально неправы, т.-е. что они получили полный расчетъ. По рассказамъ рабочихъ ихъ заставили подписать подложные счета, т.-е. давали 50 коп., а писали 1 р. Государь велѣлъ выдать рабочимъ 10000 руб. Игнатьевъ призвалъ директоровъ и уговорилъ ихъ раскошелиться въ пользу рабочихъ. Вамъ, дескать, ничего не значить 10000 р. Когда они получили деньги, то Игнатьевъ велѣлъ всѣхъ по желѣзной дорогѣ препроводить на мѣстожительства. Къ чему такой іезуитизмъ. Такимъ рѣшеніемъ навѣрно всѣ останутся недовольны. Въ обществѣ ходятъ слухи, что Игнатьевъ держится до коронаціи, въ виду того, что онъ имѣетъ въ рукахъ всѣ нити пропаганды. Пропаганда все-таки существуетъ и, какъ слышно, перенесла свою дѣятельность въ бѣлокаменную. Вѣрить нельзя всему вздору, который рассказываютъ про разные происки социалистовъ. Юрій Богдановичъ (онъ же Кобозевъ), выданный нечаянно Якимовой, будто бы велъ подкопъ подъ самую Иверскую и взялъ подрядныя работы за самую дешевую цѣну въ Успенскомъ соборѣ¹⁾. Домой, куда такъ настоятельно зоветъ Аксаковъ, оказывается не совсѣмъ безопасно можно ѣхать. Что за люди развелись въ это время. Взять хотя бы изъ начинающихъ — напр., Татищева. Блестящій секретарь посольства, прогорѣвшій и жившій за послѣднее время въ окрестностяхъ Вѣны на содержаніи одной

¹⁾ Это дѣйствительно вздоръ: см. „Процессъ 17-ти народовольцевъ въ 1883 г.“, „Былое“ 1906 г. № 10. *Ред.*

актрисы. Его перетащили теперь въ государственную полицію, съ жалованьемъ въ 4 т. руб. Игнатьевъ держитъ этого друга Андраши и Новикова въ черномъ тѣлѣ, на рауты къ себѣ не пускаетъ и заваливаетъ его работою.

Другой—Янкулію, бывший секретарь Славянскаго общества, освободитель славянъ, занимается очень хорошо: и ловитъ, и вѣшаетъ, и караетъ.

Также и Сержъ Шаховской, юркій, ловкій малый подвизается на вице-губернаторствѣ. Говоритъ ли онъ такія же красивыя фразы о своемъ республиканствѣ и о томъ, что онъ не можетъ принять камергерства въ виду того, что онъ, какъ общественный дѣятель, готовится къ Земскому Собору. Про него Домонтовичъ сказалъ, что онъ наивный. Братъ его Левъ умнѣе, но не сдѣлалъ карьеры, если не назвать карьерой то, что онъ женился на Катковой. Но въ Сержѣ Шаховскомъ, есть все, что нужно для нынѣшняго. Онъ изворотливый *renuant*, тормозится, ловкій, повторяетъ съ восторгомъ высокія фразы, не самимъ выдуманныя и все-таки имѣетъ успѣхъ. Онъ наивенъ, человѣченъ, обладаетъ неустрашимостью, вездѣ забѣжитъ, рекламы про себя пишетъ, и очень можетъ быть, что онъ сдѣлаетъ карьеру. Только въ немъ нѣтъ *étouffe* для государственнаго человѣка. Это не люди, а какіе-то санкюлоты. Вообще теперь царство посредственностей на самомъ верху; на среднихъ ступеняхъ подвизаются люди *sans foi ni loi* безъ убѣжденій, люди юркіе, ловкіе, поверхностные, неглупые, знающіе, гдѣ раки зимуютъ, но безъ всякихъ высшихъ способностей. Страшно сказать, что Ванновскій, Бунге, Гирсъ, это все люди хорошіе, честные и даже безкорыстные, но при всемъ этомъ жалкія посредственности, которыя преклоняются передъ такими карьеристами, какъ Татищевъ, Янкулію, Шаховской. Послѣдніе умѣютъ бросить пыль въ глаза и слывуть за талантливыхъ людей. Главный ихъ недостатокъ, что они легковѣрны, поверхностны и безъ всякаго фonda нравственнаго и умственнаго... Всѣ они нахватались знанія, но будутъ неспособны на какую-нибудь серьезную общественную дѣятельность. Все это эфемериды, которымъ суждено прожить одинъ день и потомъ погибнуть. Между ними выгодное мѣсто занимаетъ Пушкаревъ. Онъ учился основательно, правда естественнымъ наукамъ. Отъ его знаній и свѣдѣній пришелъ въ восторгъ Воронцовъ-Дашковъ. Пушкаревъ развивалъ ту мысль, что царь долженъ совершить соціальную революцію. Онъ говорилъ и о пугачевщинѣ и т. д. Воронцовъ-Дашковъ заговорилъ о томъ, какой интересный человѣкъ Пушкаревъ.

Великій Князь Владиміръ на это: «Ахъ, это тотъ, ко-

торый былъ въ моемъ отрядѣ». — И заговорилъ о текинскихъ лошадяхъ.

Такъ у насъ все дѣлается. Съ одной стороны заигрыванье съ народомъ, съ другой—солдатъ велѣно драть, потому что содержаніе ихъ въ одиночномъ заключеніи обходится слишкомъ дорого правительству. Всѣ разочарованы, злословятъ, жадничаютъ, острятъ на славу и вообще недовольны. Отъ этого происходитъ апатія общества ко всѣмъ общественнымъ дѣламъ. Всѣ занимаются своимъ личнымъ дѣломъ. Пьютъ, играютъ въ винтъ, въ рулетку, устраиваютъ спектакли и не ведутъ споровъ. Споры исчезли въ обществѣ, царить анекдотъ, злая какая-нибудь шутка, а затѣмъ всѣмъ ужасно скучно и тоскливо, и всѣ садятся за карты...

Вообще я замѣтилъ пониженіе умственнаго уровня въ обществѣ. Всѣ какъ будто *слиняли*, обезцвѣтились за этотъ годъ. Запахъ гніенія и болотныхъ мiazмовъ вотъ какое впечатлѣніе производитъ Петербургъ. Періодъ затишья и апатіи, невиданной апатіи. Никому не вѣрятъ. Рассказываютъ, что одинъ директоръ банка предлагаетъ 200 тыс. тому, кто сообщитъ ему объ отставкѣ Игнатъева и о назначеніи Абазы и Лорисъ-Меликова. «Le coquin lui même spéculait sur sa chute», сказалъ объ Игнатъевѣ Жомини.

Само правительство еще относится скептически къ лицамъ и мѣрамъ правительства. Оттого происходитъ эта каша, изъ которой все, что лучше, жаждетъ вырваться. «Намъ нужно сильное потрясеніе—война или революція», вотъ слова тѣхъ, которые болѣе пристально вглядываются въ событія.

Моментъ опасный и тяжелый.

Видѣлся я съ Черняевымъ, и онъ рассказалъ мнѣ, что указъ о его назначеніи уже давно подписанъ государемъ, но министр юстиціи не обнародываетъ его, потому что штаты не прошли черезъ Государственный Совѣтъ. «Вотъ вамъ и конституціонное министерство», сказалъ онъ.

Я сказалъ ему о своей книгѣ «Свободное Слово»—оказывается не читаль, но отчасти согласенъ съ главною мыслию. «Даже и въ Москвѣ,—сказалъ онъ,—Аксаковъ и Катковъ начинаютъ приходить къ тому убѣжденію, что слѣдуетъ созвать Земскій Соборъ. Катковъ говоритъ даже, что Земскій Соборъ при твердомъ правительствѣ можетъ вывести изъ затрудненія,—но спрашивается: «твердое ли у насъ правительство?» Пушкиревъ рассказывалъ мнѣ про Черняева слѣдующее: захотѣлось сократить штаты по Туркестанскому генераль-губернаторству. Черняевъ былъ первый поборникъ такой мѣры. Скобелевъ на-

значень предсѣдателемъ этой комиссіи и сократилъ на многое бюджетъ этой области, а когда назначили Черняева, то онъ поѣхалъ къ Скобелеву и высказалъ ему, что нельзя сокращать штаты. Скобелевъ, не желая ссориться, сдался на доводы Черняева и отступилъ отъ своего мнѣнія.

Боюсь, что опять Черняевъ окружить себя разною дрянью. Онъ уже намѣтилъ Витгенштейна своимъ губернаторомъ.

Слухи обыкновенно оказываются довольно вѣрными. Былъ слухъ о приготовленіи портативныхъ бомбъ, и этотъ слухъ оправдался. Былъ слухъ о томъ, что открыта водолечебница на Васильевскомъ О-вѣ и схвачена лабораторія съ динамитомъ. И это оправдалось, какъ видно изъ правительственнаго сообщенія, вышедшаго спустя годъ послѣ слуха (разсказывалъ Н. Кр—кій). Вообще стоустая молва дѣлаетъ свое дѣло за неимѣніемъ официальныхъ сообщеній.

Я отмѣчаю слухи самые разнообразныя не потому, чтобы я имъ особенно вѣрилъ, но потому, что они характеризуютъ общественное настроеніе. Зимой носились слухи о томъ, что Александръ II живъ и ѣздитъ по всѣмъ церквамъ и молится и даже ночью показывается народу въ Исаакіевскомъ соборѣ. Ъздилъ, говорятъ, дѣйствительно Анненковъ или Исаковъ, очень похожіе на покойнаго государя.

Говорятъ о томъ, что изобрѣтены такія шапки, которыя наполнены динамитомъ. Бросая ихъ вверхъ, производятъ взрывы, также и запонки и т. д.

Про Николаевскую дорогу ходятъ также слухи. То арестованъ пасынокъ начальника станціи въ Веребье, то въ Спировѣ, то въ Москвѣ арестовано 200 человекъ.

Про коронацію говорятъ, что ее хотятъ совершить въ Костромѣ. То государь поѣдетъ городами по шоссе, то солдаты, то портные, проповѣдующіе, что конституція—распрелюбезная вещь, и бранящіе государя.

Конечно, народъ не инертная масса, какъ воображаетъ Аксаконъ и даже сотрудики «Отеч. Запис.» (?), въ народѣ происходитъ броженіе, и какъ оно разразится—неизвѣстно. Я говорилъ съ Дохтуровымъ по поводу письма Барова, помѣщеннаго въ моей книгѣ и въ «От. Зап.» (?). Онъ сказалъ очень умно, что министру внутреннихъ дѣлъ слѣдуетъ прочитать это письмо и провѣрить, единичное ли это мнѣніе или бродячее мнѣніе русскаго народа.

Если это единичное мнѣніе, то оно неважно, но если мысли эти бродятъ въ умахъ русскаго народа, *то мы находимся наканунѣ великихъ потрясеній.*

Теперь всѣ работы Министерства Внутреннихъ Дѣлъ обращены на одну цѣль—на коронацію. Все прочее отодвинуто на задній планъ... Я принадлежу къ тѣмъ, которые считаютъ Игнатьева умнымъ государственнымъ дѣятелемъ. Онъ очень ловокъ и знаетъ, съ кѣмъ какъ обращаться.

Юрьева онъ встрѣтилъ слѣдующими словами: «Вы славянофилъ и я славянофилъ, что же вы со мною враждуете?» (по поводу статей въ «Русской Мысли»).

Говорятъ, что онъ самъ допрашивалъ Юрія Богдановича и сказалъ ему: «Мы все дѣлаемъ, что вы желаете—перечисленіе, уменьшеніе выкупныхъ платежей, питейный вопросъ.

— Дѣлаете, но не такъ,—отвѣчалъ будто бы Богдановичъ.

Мнѣ именно это подлаживанье, это популярничанье не нравится. Эти палліативы въ связи съ штуками Боско или Пинетти могутъ быть очень хороши послѣ государственнаго переворота Наполеона III, когда общество жаждетъ покоя. Но наше общество жаждетъ движенія, потрясеній, и полумѣры и ловкіе извороты только злятъ и раздражаютъ его.

Ионинъ въ разговорѣ со мною выхваляетъ ту идею, что слѣдуетъ Боснію и Герцеговину отдать Австріи, это прибавитъ элементъ броженія. Мнѣ не нравилась эта точка зрѣнія, хотя я также отъ одного австрійскаго офицера слышалъ нѣчто подобное. «Да, вы отдадите намъ Боснію, мы устроимъ дороги,—сказалъ онъ,—а затѣмъ все это вернется къ вамъ».—Я не соглашался съ Ионинымъ и съ тѣми, которые такимъ компромиссомъ хотѣли что-то сдѣлать. Намъ надо было вполнѣ воспользоваться побѣдою, въ случаѣ нужды вооружить всѣ балканскіе народы, подписать съ ними трактаты о взаимопомощи, взять Константинополь, укрѣпить Дарданеллы и ждать въ такомъ положеніи.

Сколько крови прольется теперь въ Герцеговинѣ, сколько потеряемъ мы почвы и сколько опять придется проливать крови въ будущемъ. Наша нерѣшительность тому причиною.

По разсказу Дохтурова (сербскаго), котораго я встрѣтилъ на желѣзной дорогѣ, Сербія уже теперь перешла въ руки австрійской дипломатіи. Король Миланъ сказалъ Дохтурову: «Мы въ самомъ печальномъ положеніи. На Россію опираться нельзя,—она проситъ избавить ее отъ всякихъ хлопотъ и complicatіонъ. А наше положеніе c'est celle d'une fille entretenue, qui a besoin d'un entreteneur. Посмотришь, правду сказать, на нашу дипломатію и диву даешься, что это за дурачье. Вспомнишь Талейрана во время Вѣнскаго конгресса: вотъ сумѣлъ же человѣкъ изъ разбитой наканунѣ Франціи въ одинъ мигъ сдѣлать великую державу и занять на конгрессѣ импонирующее положеніе. По

смотришь на Олмюцкое поражение Пруссіи и на Бисмарка во Франкфуртѣ...

Время то же самое, почти никакой разницы. Что значить, когда во главѣ стоитъ какой-нибудь Бисмаркъ, Талейранъ, даже Горчаковъ, Игнатъевъ, а не бездарность въ родѣ Гирса.

Стуартъ рассказывалъ, что мы не только передъ Австріею, но и передъ румынами пассуемъ. Никто насъ—100-милліонную державу въ грошъ не ставитъ. Шпыняютъ насъ, какъ паршиваго пса, и мы только облизываемся съ улыбочками. Конечно, отчаяваться нечего. Россія уже сама по себѣ сила, несмотря на всѣхъ Гирсовъ въ мірѣ, она рано или поздно займетъ первое мѣсто въ Европѣ. Займетъ, но и теперь она можетъ занять первое мѣсто, а на самомъ дѣлѣ по вопросу о Дунаѣ, объ Египтѣ, по турецкой контрибуціи, вездѣ бьютъ насъ—побѣдителей, перешедшихъ черезъ Балканы. Я думаю, что Бисмаркъ смѣется надъ петербургскимъ дурачьемъ. Когда-нибудь выйдутъ вѣрно въ свѣтъ его бумаги и мы увидимъ, правъ ли я. Съ турецкой контрибуціей—все казусы. Теперь, когда мы придемъ въ Оттоманскій банкъ просить контрибуціи,—намъ скажутъ: «à la porte». И по дѣломъ дуракамъ.

Читаешь Боборыкина и пр. о торжествѣ купца надъ дворяниномъ,—о чемъ же тутъ плакать? Купцы приобщаются къ цивилизаціи, устраиваютъ школы, выписываютъ газеты, принимаютъ участіе въ общественномъ дѣлѣ. Царство буржуазіи уже настало, и дворянскій періодъ заканчивается. Какъ въ черноземной полосѣ, хватая нѣсколькими вершками глубже, поднимаетъ плугъ нетронутый слой, такъ и историческій плугъ поднимаетъ на свѣтъ Божій купеческій слой, и намъ лѣтъ черезъ двадцать можно ожидать новыхъ Пушкиныхъ, Тургеневыхъ, Лермонтовыхъ и т. д. изъ новаго слоя.

Все, что мы имѣли до сихъ поръ, въ большинствѣ случаевъ принадлежитъ къ дворянскому слою. Дворянство, обѣднѣвъ, составитъ ферментъ или закваску въ этомъ новомъ тѣстѣ.

Я всегда удивлялся, когда говорятъ объ обѣднѣніи крестьянъ. Какихъ крестьянъ? Въ крестьянствѣ происходитъ тотъ же принципъ раздѣленія на сословія. Сильные двинулись впередъ, а слабые отстали, но сильныхъ сравнительно много, и они въ какія-нибудь двадцать лѣтъ примкнутъ къ остальной интеллигенціи.

Половина крестьянства разбогатѣла съ 19 февраля, а другая половина осталась въ томъ же положеніи. Это грустно, но этого и слѣдовало ожидать. Отчаяваться потому въ Россіи нечего. Въ ней еще таятся масса нетронутыхъ свѣжихъ силъ. и

предвидѣть то, что выйдетъ изъ Россіи черезъ двадцать лѣтъ,— нетрудно. Славянство съ своимъ коммунизмомъ явится на смѣну Европы, а послѣ славянства не появится ли Китай, и не захватить ли онъ всю цивилизацію, какъ варвары Римъ.

Вотъ она грозная сила будущаго. Конечно, цивилизованный Китай будетъ страшень только этнографически, тѣмъ, что поглотить въ себѣ Европу—съ нецивилизованнымъ, конечно, справятся, но, всё равно, опасность великая для человѣчества. Туранская раса измѣнитъ и наклонности, и способности индогерманцевъ и, можетъ быть, лишитъ человѣчество генія.

Баронъ Стюартъ, всегда остроумный, услышавъ, что на биржѣ поднимутся цѣнности, если выйдетъ въ отставку Игнатьевъ, сказалъ: «*Ce sera la hausse des non valeurs*» (поднимутся ничтожества).

Записываю тутъ, кстати, еще одну остроту, сказанную имъ, когда Горчаковъ назначилъ Мельникова и Миллера (двѣ тупицы 84-й пробы) на мѣста директора и вице-директора: *Канцлеръ замололся*. Прекрасно сказано.

Игнатьевъ слетѣлъ послѣ годичнаго управленія министерствомъ.

Говорятъ, что онъ слетѣлъ потому, что не хотѣлъ допустить польской каѳедры, какъ этого требовалъ Альбединскій. Онъ поставилъ это условіемъ *sine qua non*. Ну и нашлись люди, которые сказали, что Игнатьевыми хоть прудъ пруди. Послѣ свиданія съ Аксаковымъ въ Москвѣ я узналъ, что Игнатьевъ хотѣлъ устроить по случаю коронаціи нѣчто въ родѣ Земскаго собора. Аксаковъ даже рекомендовалъ ему одного дѣльца, но когда дѣло дошло до Совѣта, въ которомъ участвовалъ Побѣдоносцевъ, то поднялись возраженія, и Игнатьевъ долженъ былъ выйти въ отставку.

Англійскія газеты совершенно справедливо говорятъ, что теперь Бисмаркъ командуетъ положеніемъ. Въ Европѣ только три государственныхъ человѣка: Бисмаркъ, Гамбетта и Игнатьевъ. И къ чему эта отставка и замѣна его непопулярнымъ и нелюбимымъ Толстымъ, именно во время коронаціи. Теперь на подборъ все бездарности, или люди съ ограниченнымъ кругозоромъ. Пресса, однако, поетъ диѳирамбы твердости новаго министра. Какъ грустно слышать, если не продажные голоса, но во всякомъ случаѣ эти выраженія холопствующаго усердія.

Нѣсколько дней вся Россія: газеты, общественныя группы, интеллигенція и народъ, всё были объаты однимъ горемъ о смерти, русскаго героя и славнаго полководца. Я не буду повторять то, что писалось по этому поводу.

Въ натурѣ Скобелева было нѣчто безпокойное, какая-то неудовлетворенность, громадное честолюбіе. Второго мѣста было слишкомъ мало для Скобелева; онъ претендовалъ на роль Лафайета, Кромвеля, Наполеона. Условія ему не благопріятствовали, и онъ растратилъ свое здоровье. Онъ умеръ у сводни, желая до безконечности длить удовольствіе. Четырехъ женщинъ ему было мало, и когда натура отказалась, то онъ приказалъ себя драть мокрыми полотенцами, желая этимъ возбудить заснувшую чувственность. Первый разъ опытъ удался, но на второй, къ удивленію пятой француженки, онъ испустилъ духъ. Тотъ же Мирабо. Съ большою таинственностью перевезли мертваго въ гостиницу, послали за докторомъ и затѣмъ объявили объ его смерти.

Замѣчу одно—смерть Скобелева доказала опять, что русское общество стало нервно, впечатлительно до крайности. Что случилось? Умеръ, дѣйствительно, даровитый вождь, но не Суворову же равный (какъ опредѣлила Академія Ген. Штаба), вождь, съ большими задатками для того, чтобы изъ него выработался Наполеонъ, Суворовъ,—вождь, любимый солдатами и легендарный герой толпы. Что могло выработаться изъ Скобелева—самому Богу извѣстно. И все-таки по поводу смерти Скобелева общество и народъ заволновалось, точно море, и завопило, что у него больше нѣтъ защитника въ трудную минуту опасности. Есть же и теперь Радецкій, Гурко, Лорисъ-Меликовъ, Черняевъ—все генералы 84-й пробы.

Но мы нервны и впечатлительны, какъ женщина въ родахъ, и это естественно, потому что Россія стоитъ у порога великаго общественнаго, соціальнаго переворота.

Кричали, вопили о смерти Скобелева, и вдругъ желѣзно-дорожная катастрофа. И опять нервы наши ходуномъ заходили. Вездѣ случаются катастрофы. Жалко тѣхъ, которые погибли, но вопить, надрывать нѣтъ еще основанія. По поводу смерти Достоевскаго Петербургъ устроилъ *парадъ нигилизма* (такъ, по крайней мѣрѣ, окрестили эту демонстрацію). Смерть Скобелева дала намъ возможность демонстрировать въ русскомъ духѣ. Демонстрація вышла импозантная, грандіозная, но все-таки мы что-то очень полюбили всякія демонстраціи, политическіе скандалы. Слишкомъ скромна, тиха, стояча наша жизнь, и такія событія вносятъ разнообразіе въ нашу болотную, заплеснѣвшую общественную сферу. У кого есть уши, пускай слышатъ, пусть поймутъ, куда клонятся общественныя симпатіи. Обществу не можетъ нравиться наша приниженность во внѣшней политикѣ, и потому оно молится такому герою, какъ Скобе-

левъ; ему не нравится казенщина, бюрократизмъ, оно жаждетъ новыхъ формъ, и вотъ оно устраиваетъ разные скандалы въ земскомъ собраніи Достоевскому, Тургеневу, или кому придется.

Далека отъ меня мысль, что со смертію Скобелева будущее Россіи мрачно и безнадежно. Это вздоръ. Скобелевы найдутся, найдутся и Наполеоны, если придетъ на нихъ время. При теперешнемъ режимѣ посредственностей, дѣйствительно трудно имъ найтись, но когда общество и народъ развернетъ всѣ свои силы, тогда ихъ будетъ больше, чѣмъ нужно. Живемъ мы въ тяжелое, но интересное время. Говорятъ, что великимъ переворотамъ предшествуютъ преступленія, извѣстная кровожадность.

Полиція увеличивается, провозглашается *усиленная охрана*, и все это не мѣшаетъ въ Петербургѣ *околоточному* избить мирныхъ гражданъ. Въ Крыму тоже учреждена *усиленная охрана* и полиція занимается психологіею, а мирные жители падаютъ подъ ножемъ убійць (Сабинины). Въ воздухѣ чувствуется лихорадочное, разгоряченное, ненормальное вѣяніе. О бурѣ подь Москвою пишутъ въ газетахъ и находятъ связь между бурей и катастрофою. Про Скобелева въ народѣ идутъ легенды, что онъ живъ и скрывается въ рубищахъ и т. д... Пахнетъ пороховомъ или революціей. Увидимъ. Въ исторіи есть интересныя числа. Возьмемъ 1689—въ Англіи перемѣна всего общественнаго строя и 1789 во Франціи, что скажетъ 1889 годъ?..

Въ общественномъ организмѣ происходитъ какое-то непонятное броженіе.

Сентябрь 20—30, 1882 г.

Случайно я узналъ о томъ, что Іонинъ въ Москвѣ. Мы говорили съ нимъ много о черногорцахъ, герцоговинцахъ. Онъ смотритъ пессимистически на вопросъ. Лучшая часть населенія эмигрируетъ изъ Босніи, и на оставленныя ими мѣста поселяются, вѣрно, нѣмцы или мадьяры. То же явленіе замѣчается и въ Герцоговинѣ. Все то, что могло бороться, ушло въ Черногорію, а теперь германское правительство не знаетъ, какъ ихъ размѣстить.

По поводу внутреннихъ вопросовъ Іонинъ развивалъ ту мысль, что все происходитъ отъ воображенія. Больна у насъ психія и съ Россіею надо обращаться какъ съ умалишеннымъ человѣкомъ, то-есть, усадить его въ темную комнату. «Мнѣ понравились», сказалъ онъ, «слова одной дамы. Была я въ Италіи, говоритъ дама, 10 лѣтъ, вернулась въ Россію и не узнала ея. Все за это время перемѣнилось: и люди, и предметы. Люди говорятъ совсѣмъ другое. Вернулась въ Италію черезъ три мѣсяца, и все

застала на мѣстѣ. Даже пепельница какая-нибудь и та стоитъ на мѣстѣ. Вернулась въ Россію черезъ три мѣсяца, и опять другое.

Конечно, Іонинъ противъ всякихъ конституцій и Земскихъ Соборовъ. Онъ находитъ, что надо излечить Россію тишиною и спокойствіемъ. Тѣ министры, которыхъ теперь бранять, окажутся не хуже тѣхъ, которые ждутъ еще очереди попасть въ министры. *La Russie, ce n'est pas un peuple, c'est un monde.*

Онъ даже предсказываетъ распаденіе Россіи. Другой разъ мы видѣлись съ нимъ въ Эрмитажѣ (ресторанѣ) въ обществѣ Исакова, Шаховского и др. Іонинъ, вообще, любитель парадокса. Онъ сталъ отрицать военныя заслуги Скобелева, чѣмъ вызвалъ отпоръ со стороны Исакова. По выраженію Іонина—прежде лизали... у правителя, а теперь у толпы.

«Надо быть княземъ Долгорукимъ теперь съ толпою», сказалъ я Гирсу. Пожалуй, это замѣчаніе довольно вѣрно, но это показываетъ, что толпа, которую такъ ненавидитъ Іонинъ, вступаетъ въ свои права... Игнатъева онъ называлъ фокусникомъ, который знаетъ одинъ фокусъ, но такъ какъ толпѣ нужно разнообразіе, то онъ и оказался ниже своей задачи.

Іонинъ теперь разводится съ женою и, именно, попадетъ въ темную комнату, то-есть мѣняетъ Черногорію на Бразилію; хвастался онъ тѣмъ, что въ Черногоріи была дисциплина. Вообще онъ ставитъ себя очень высоко. «Я эксплуатировалъ Аксакова», говоритъ онъ, «но никогда не употреблялъ его». Про Черняева говорилъ съ ироническою улыбкою. Надо видѣть Іонина въ моментъ сильнаго возбужденія. Онъ очень нервный, впечатлительный и рѣзокъ въ разговорѣ, не терпитъ противорѣчій (при мнѣ онъ отдѣлалъ разъ бѣднаго Карцева), вообще *mauvais coucheur*, какъ говорятъ французы. Все его лицо во время разговора подергивается судорогою и чѣмъ больше воспаляется, тѣмъ больше строитъ гримасы самаго комическаго свойства. Способностей и ума у него отрицать нельзя; онъ былъ фактически первымъ министромъ Черногоріи и сумѣлъ поставить себя прочно и въ министерствѣ, и при дворѣ, и у черногорцевъ. Никто не умѣетъ такъ хорошо спрашивать, какъ онъ. Когда я вернулся изъ Сербіи, то только онъ до точности все выспыталъ у меня, спрашивалъ умно, толково, и я съ наслажденіемъ говорилъ ему о моихъ впечатлѣніяхъ. Ставитъ себя очень высоко, нетерпимъ, и къ нему слѣдуетъ примѣнить то, что говорилъ онъ о Россіи. У него психія не въ порядкѣ. Да у кого она въ порядкѣ?.. Въ наше время здоровыхъ, нормальныхъ людей слишкомъ мало. Здоровы казнокрады, бездарности и карьеристы...

Даже такой карьеристъ съ недюжинными способностями,

но политическій шарлатанъ, какъ князь Цертелевъ, и тотъ сошелъ съ ума. Нѣтъ сомнѣнiя, что онъ выдвигается изъ числа многихъ, но онъ въ существѣ былъ себялюбецъ, любилъ выставлять себя и схватывалъ вопросъ какой-нибудь для личныхъ цѣлей. *Mania glorioza*—онъ сошелъ съ ума. Телеграфировалъ во всѣ концы мiра, приглашалъ всѣхъ высокопоставленныхъ лицъ Европы на вечеръ въ Коллизей. Какъ-то разъ у Ионина зашелъ разговоръ о Цертелевѣ. Ионинъ его хвалилъ, а я говорилъ, что онъ только карьеристъ, онъ разсердился и сталъ доказывать, что это вздоръ, что и онъ тоже, развѣ за славянскую идею... Я ему закрылъ ротъ слѣдующими словами: «Не хочу думать, что вы, Александръ Семеновичъ, похожи на Цертелева, не хочу думать, что вы, дѣйствуя въ Черногорiи, думали только о своемъ я, потому что въ такомъ случаѣ я потеряю всякое уваженiе къ вамъ. Потому люди, которые думаютъ о своемъ собственномъ я, стараются возвеличить его всѣми путями, не стоятъ уваженiя, они не серьезные государственные люди». Онъ замолчалъ и перемѣнилъ разговоръ.

Исаковъ нападалъ на нынѣшнихъ министровъ, приводя слова Адлерберга, что министры всѣ проходятъ курсъ *болвано-пластики*. Рассказывалъ, какъ Скобелевъ вышутить Черняева на обѣдѣ въ Эрмитажѣ. Кто-то вздумалъ провозглашать тостъ за Скобелева—за нашего славнаго полководца, но Скобелевъ отклонилъ этотъ тостъ. «Я не могу принять этотъ тостъ въ присутствiи моего учителя Черняева», онъ сталъ указывать на сраженiя Черняева, который научилъ его, что не нужно дѣлать. Однимъ словомъ, вышутить человекъ, а Черняевъ, по словамъ Исакова, принялъ это за чистую монету и былъ польщенъ. Шаховской говорилъ о томъ, что Скобелевъ ублажалъ Немировича-Данченко и другихъ корреспондентовъ, а Гурко относился къ нему очень холодно и строго. Все это показываетъ, что Скобелевъ умѣлъ воспользоваться и прессою, пускалъ въ ходъ рекламу, но заслуги его въ военномъ дѣлѣ отрицать нельзя. Ионинъ рассказывалъ, что Скобелевъ имѣлъ намѣренiе пойти въ Герцеговину. «Все это показываетъ такое незнанiе дѣла, такое легкомыслие», сказалъ Ионинъ, «потому что присутствiе Скобелева не прибавило бы ничего для успѣха дѣла».

Аксаковъ рассказывалъ мнѣ о дѣятельности Игнатьева, который по случаю коронацiи хотѣлъ собрать выборныхъ отъ крестьянъ, дворянъ и купцовъ и соорудить что-то въ родѣ Земскаго собора. Четыре мѣсяца готовились къ этому дѣлу. Государь не имѣлъ ничего противъ этого проекта... Но хотѣлъ узнать мнѣнiе другихъ министровъ. Тогда Побѣдоносцевъ и Островскiй

возстали противъ этого проекта, и Игнатъевъ вышелъ въ отставку. Государь читаетъ только «Русь» и «Московскія Вѣдомости». Теперь и Аксаковъ потерялъ во мнѣніи Двора. Новый министр Толстой повелъ дѣло по другому: Игнатъевъ постоянно дѣлалъ доклады, а новый министр объявилъ, что одного дня для доклада совершенно достаточно. «Что нужно Вашему Императорскому Величеству», будто бы спросилъ онъ, «пользы или популярности?» Государь выбралъ первое. Толстой 2 часа назначаетъ для пріемовъ и никого не принимаетъ въ другіе дни. Все идетъ бюрократическимъ путемъ: бумажки не залеживаются; однимъ словомъ, все идетъ наилучшимъ образомъ. «Теперь вѣрно», сказалъ Аксаковъ, «наступаетъ періодъ затишья политическаго, и нѣкоторое оживленіе въ финансовой сферѣ». «Извѣстное «enrichissez vous» Луи Филиппа», замѣтилъ я. «Да», прибавилъ онъ, «это теперь замѣтно». Юнинъ тоже высказался въ этомъ родѣ. «Пускай каждый думаетъ о себѣ». Въ сущности всѣ эти вопросы есть борьба милліоновъ эгоизмовъ. Но ему тоже претитъ, что всюду, по его выраженію, втерся *авантюристъ*, ученый-авантюристъ, полководецъ (Скобелевъ), шарлатанъ-авантюристъ, государственный человѣкъ—авантюристъ. Но они всѣ забываютъ, что пресловутое «enrichissez vous» подѣйствуетъ именно на развращеніе и на окончательное разложеніе общества. Безъ идеаловъ не прожить обществу, и мы только такимъ путемъ подойдемъ еще скорѣе къ окончательной развязкѣ или катастрофѣ, которая возьметъ и, подобно грозѣ, расчиститъ воздухъ отъ всякой гнили и міазмовъ. Шутники выдумали, чѣмъ лечить общество: въ ходъ пойдутъ именно люди наживы, авантюристы, шарлатаны и такъ называемые *ловкіе* люди. Ловкій человѣкъ—это лучший комплиментъ теперь, ну и пусть гг. Юнины, Аксаковы и расхлебываютъ ту грязь, которую они натворили. Про князя болгарскаго Аксаковъ рассказывалъ также много интереснаго. Кн. болгарскій не пользуется любовью населенія и опирается исключительно на авторитетъ русскаго царя. Произвелъ онъ переворотъ, не спросившись у Софіи, и потомъ сталъ умолять поддержать его. «Если даже русскія газеты начнутъ бранить», сказалъ кн. Александръ, «то тогда мой авторитетъ пошатнется въ странѣ». Оказывается, что онъ не пустилъ корней и стоитъ одиноко въ странѣ. Народъ его не знаетъ и не любитъ, и онъ опирается только на русскихъ офицеровъ. Самъ онъ нѣмецъ въ душѣ и смертельно скучаетъ въ Россіи. Онъ постоянно говоритъ о Германіи: «У насъ, chez nous». По-болгарски онъ не обучился, но лучший его другъ какой-то нѣмецъ. Страшное легкомысліе. Съ легкимъ сердцемъ онъ нарушилъ конституцію,

разсорился съ либералами вродѣ Цанкова и др. и не знаетъ, что предпринять. Хитрово (нашъ дипломатическій агентъ), помогавшій ему во время *coup d'état*, теперь сталъ ему невыносимъ, и онъ просилъ отозвать его изъ Болгаріи. И мы, конечно, заплатимъ за разбитые горшки. Россія сдѣлается ненавистной болгарамъ и покроетъ себя позоромъ, что поддерживала произволъ князя Александра. Про изгнаніе Гольцева изъ университета Аксаковъ на мои вопросы разсказалъ мнѣ слѣдующее: Кн. Шаховской сообщилъ въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ, что всѣ книги пропаганды оказываются у Гольцева.

Вообще интересно въ наше время, какъ люди скоро мѣняютъ шкуру. Еще недавно либераль Шаховской теперь чуть не сыщикъ. «Да, онъ ловкій человѣкъ», сказалъ про него Юнинъ. Ловкость въ человѣкѣ—вотъ что хвалятъ теперь.

Также и Побѣдоносцевъ, о которомъ во время оно Россія мечтала, какъ о лучшемъ изъ сыновъ своихъ. Онъ теперь хочетъ подчинить приходскія училища духовенству, говорятъ, ратуетъ противъ новыхъ судовъ. Про него говорилъ Чичеринъ на вечерѣ у Аксакова. «Онъ былъ у меня, и мы съ нимъ заспорили о политикѣ», сказалъ Чичеринъ, «такъ что я рѣшилъ, что больше о политикѣ не буду съ нимъ говорить». Аксаковъ сказалъ, что Побѣдоносцевъ у него не былъ.

20 ноября 1882 г.

Опять студенческіе безпорядки. Точно хроническая болѣзнь или перемежающаяся лихорадка возобновляются эти безпорядки и совершаютъ круговой обходъ по всѣмъ русскимъ университетамъ. Наши лицемѣры восклицаютъ съ кисло-сладкою миной, что молодежь должна учиться, а не заниматься политикою. Они не хотятъ знать исторіи, не хотятъ знать того, что молодежь меньше дорожить состояніемъ, положеніемъ, даже жизнью, что молодежь честна, искренна, свободолюбива. Пока не будетъ политической свободы въ настоящемъ смыслѣ слова, до тѣхъ поръ молодежь будетъ дѣлать безпорядки и будетъ дѣлать то, что надлежитъ дѣлать людямъ зрѣлыхъ лѣтъ. Жалко, что эти исторіи увеличатъ число жертвъ и дадутъ новый контингентъ крамолѣ. Произволъ царствуетъ страшный, а по словамъ «Новаго Времени» все обстоитъ благополучно и намъ только надо радоваться. Я написалъ корреспонденцію и послалъ ее въ «Новое Время», но оно сочло невозможнымъ напечатать ее.

Теперь узнаю дальнѣйшую развязку исторіи Рождественской. Она виновата можетъ быть въ легкомысліи, и то не въ политическомъ... И вдругъ эту самую дѣвицу произвели въ небла-

гонадежныя и запретили ее принимать въ учительницы во всемъ Петербургскомъ округѣ. Что ей дѣлать.. О, какъ я начинаю ненавидѣть праздно-болтающихъ, радующихся, веселящихся въ наше тяжелое время. Читаю Варнгагена, и само собою такъ и напрашивается сравненіе съ тяжелымъ временемъ, которое переживала Германія отъ 1815—48 г.— время сумрака, произвола, хищничества и разнузданности инстинктовъ. Будущій историкъ заклеимитъ это время самымъ позорнымъ клеймомъ и будетъ правъ. Да развѣ кто-нибудь расскажетъ про это время. Русское общество трусливо, и врядъ ли кто запишетъ въ своей лѣтописи эти тяжелыя впечатлѣнія. Боятся—неравно попадетъ полицейской власти, и существованіе такихъ записокъ отразится неблагопріятно на судьбѣ бытописателя. Нѣтъ, я именно буду вносить все замѣчательное въ наше время. Пускай они даже схватятъ эти страницы, написанныя кровью моего сердца. Пускай это, какъ *corpus delicti*, перейдетъ къ будущимъ поколѣніямъ, когда-нибудь да возсіяетъ солнце правды, и праздно-ликующіе (въ родѣ «Новаго Времени», «Москов. Вѣдом.») будутъ посрамлены передъ потомствомъ. Они будутъ посрамлены—въ этомъ я увѣренъ. Такое уныніе («Новое Время» и тутъ нашло возможнымъ поглумиться надъ этимъ словомъ либераловъ) не будетъ вѣчно продолжаться. За насъ историческіе законы. Пройдутъ десятки лѣтъ, погибнетъ много безвинныхъ жертвъ, сжатыхъ точно между жерновами, но исторія возьметъ свое. Гдѣ теперь Фридрихъ Вильгельмъ IV и его клеветы, гдѣ сподвижники второй имперіи? Исчезли, яко дымъ. Все исчезаетъ, потому что все суета, какъ говоритъ Экклезіастъ. Теперь читаю Библію. Я не революціонеръ и сижу, какъ зритель, и смотрю съ негодованіемъ на то, что происходитъ вокругъ меня. Буренинъ въ одномъ фельетонѣ отщелкалъ нѣсколькихъ выдающихся либераловъ. Пускай. Мы всѣ грѣшимъ, но почему же онъ только теперь напускается на нихъ. Потому, что въ тайникахъ своей души онъ чувствуетъ, что онъ дѣлаетъ подлость. Ренегаты всегда ретивѣе. Либералы дѣлали подлости, развѣ Мещерскій съ Катковымъ чисты и могутъ быть названы рыцарями безъ страха и упрека. Не беспокойтесь, г. Буренинъ, исторія всѣхъ разберетъ и сумѣетъ отличить чистыхъ и нечистыхъ.

Вотъ и Марковъ написалъ замѣтку въ томъ же «Новомъ Времени», но въ другомъ духѣ, какъ Атава или Буренинъ. Атава и Буренинъ имѣютъ въ виду 6 т. рублей содержанія и за эти деньги продали себя. Въ тайнѣ души они, можетъ быть, сознаются въ своей недобросовѣстности. Суворинъ лучше ихъ. Онъ одинъ искренній, но только, какъ флюгеръ, не имѣетъ своего напра-

вленія и поддается силѣ вѣтра. Да, я заговорилъ о Марковѣ. Онъ, по крайней мѣрѣ, не имѣетъ наглости и недобросовѣстности утверждать, что все обстоитъ благополучно. Онъ прямо говорить, что всѣ эти комиссіи со свѣдующими людьми, съ предводителями, съ предсѣдателями управъ не приведутъ ни къ чему. Это честно. Значить есть какой-нибудь недостатокъ во всей государственной машинѣ. А что говорилъ этотъ самый Марковъ въ періодъ свѣдующихъ людей. Онъ восхищался ими, захлебывался отъ восторга, но я усмотрѣлъ въ немъ то, что онъ прямо отъ души сознается въ своемъ заблужденіи.

Всѣ самые серьезные люди смотрѣли на эту комедію Игнатъева, какъ на политическій фарсъ, удобный для того, чтобы отвести глаза публики, а не какъ на полезное мѣропріятіе. Г. Марковъ заблуждался жестоко тѣмъ, что добросовѣстно относился къ вопросу. Теперь онъ говоритъ другое, — *не могутъ всѣ эти чиновники наложить на себя руки, подписывая себѣ смертный приговоръ*, и освободить общество отъ всей этой ненужной администраціи и регламентаціи. Я не помню подлинныхъ выраженій, но смыслъ таковъ. О, г. Марковъ, какъ вы легко-вѣрны были годъ тому назадъ, съ какою радостью вы принялись вмѣстѣ съ другими толочь воду въ ступѣ. Но все-таки скажу: вы заблуждались и потомъ, увидѣвъ свою ошибку, вы прямо отъ души сознались въ своей ошибкѣ, а не плясали, не паясничали и не увѣряли всѣхъ и вся, что все обстоитъ благополучно, и что только либералы, эти изверги рода человѣческаго, выдумали такія глупыя слова, какъ «скука, уныніе», царствующія въ обществѣ. И я нахожу, что вы поступили честно. Васъ никто не тянулъ за языкъ, а вы все-таки произнесли свое публично, и это дѣлаетъ вамъ честь. Но этихъ ликующихъ паяцевъ, продажныхъ душъ заклеимитъ будущее. Будетъ и на нашей улицѣ праздникъ. Читалъ Варнгагена, думаю, какъ тяжело было жить въ Германіи отъ 1815 до 1848 года; болѣе тридцати лѣтъ томленія, унынія, тоски. Даже и записки вслѣдствіе этого скучноваты. Онъ не виноватъ—онъ мастерски обрисовалъ періодъ времени отъ французской революціи до Вѣнскаго конгресса. Удивляюсь, какъ онъ не раскусилъ Меттерниха, какъ онъ расхваливалъ его въ теченіе двадцати лѣтъ, чтобы потомъ понять его. Да, бываютъ такія необъяснимыя симпатіи—напр., у меня Суворинъ. Я всегда за него заступаюсь, хотя и сознаю, что Суворинъ 1876 года другой, чѣмъ Суворинъ въ 1882 году и вѣрно будетъ другой, когда, по его выраженію, мы будемъ на площади кричать: «да здравствуетъ свобода». Можетъ быть не мы будемъ кричать, а будутъ кричать другіе, а мы будемъ ужасаться и скор-

бѣтъ, что море вышло изъ береговъ и затопило все. Кассандра никогда не была въ чести у людей, прозрѣвающихъ будущее первыми, и такимъ образомъ придется строить плотины противъ бушующаго моря.

Мирабо тоже прозрѣвалъ будущее, Тюрго—больше его. Да, а въ Германіи Варнгагенъ, Штейнъ, Шлабрендорфъ — все это прорицатели, которые любили до безумія свое отечество, не революціонеры, а созидатели *par excellence*, но отринутые бездарными правителями и бесполезно проведеншіе свою жизнь, они безшумно сходили въ могилу, раненые на смерть судьбой...

Какая трагическая судьба—видѣтъ, что созданное тобою тяжелыми усиліями уносится историческою волною. Развѣ Милютинъ не чувствуетъ того же, что чувствовалъ когда-то Гарденбергъ, Штейнъ. Всѣ эти люди (т.-е. Милютинъ, Лорисъ-Меликовъ) любили свое отечество больше себя, больше своей личной выгоды, и положеніе ихъ ужасно. Конечно, если это легкіе сердцемъ политики, какъ Игнатъевъ, Барановъ и *tutti quanti*, то они очень легко утѣшатся. Было бы корыто—свиньи будутъ. Свиньямъ же въ сущности все равно, что замѣшали въ корыто, не хватить въ корытѣ—въ навозѣ поваляться и покопаться можно. Копайтесь и валяйтесь въ грязи на здоровье—о вкусахъ не спорять.

Довольно, отъ этихъ міазмовъ, доходящихъ до меня черезъ посредство газетъ, меня тошнить. Вотъ ужъ правда,—блаженъ мужъ, не идущій въ совѣтъ нечестивыхъ,—и я тоже не принимаю никакихъ подачекъ, и благо мнѣ будетъ, что останусь я чистъ отъ всякой грязи...

5 декабря 1882 г.

Слышалъ еще новую подробность о Р(ождествен)ской. Лѣтомъ она какъ-то посѣтила исправника. Было жарко, и такъ какъ у нея не было лѣтняго платья, она одѣвала сарафанъ. Этотъ сарафанъ послужилъ первымъ комочкомъ снѣга, изъ котораго съ теченіемъ времени образовалась цѣлая лавина, обрушившаяся на голову и раздавившая бѣдную Р(ождествен)скую. Между блюстителемъ порядка и учительницею произошелъ слѣдующій разговоръ. Онъ.—Какъ это вы въ сарафанѣ—не социалистка ли вы?—Она.—Да жарко.—Онъ.—Все-таки неловко, вы учите и вдругъ ходите въ сарафанѣ, смотрите, я донесу.—Она.—Донесите, что же тутъ худого? Соня Р(ождествен)ская слишкомъ неразвита, чтобы знать, что такое социализмъ, и вдругъ ей запретили учить во всемъ Петербургскомъ округѣ... Исправникъ выдумалъ, что она безнравственная, а когда это оказалось недостаточнымъ, то

обвинилъ въ социализмъ. И вездѣ эта пошлость, грязь. Куда уйти отъ этой грязи, пошлости, гадости? Говорятъ, что Румянцева, одного изъ видныхъ ораторовъ на Новгородскомъ земскомъ собраніи, приглашалъ министръ къ себѣ для объясненій. Интересно, какъ покажетъ себя этотъ господинъ, предлагавшій избавить крестьянъ отъ всякихъ выкупныхъ платежей, признать крестьянскую землю государственною, общинною, неотчуждаемою собственностью и предлагавшій вмѣстѣ съ другими созваніе Земскаго Собора. Жалко, что не меня пригласилъ г. министръ, я бы ему пропѣлъ все, что я знаю и думаю. Можетъ быть, искреннее, свободное слово отрезвить ихъ и остановить на дорогѣ къ гибели.

Il n'y a pas de pire sourds, это, пожалуй, будетъ вѣрнѣе.

12 декабря 1882 г.

Все говорятъ о сокращеніи въ бюджетѣ, а на дѣлѣ оказалось, что у насъ дефицитъ въ 60 милл. Видно... не совладать съ вкоренившимися привычками камарильи, и всѣ хорошія намѣренія такъ и останутся хорошими намѣреніями. Часто слышишь, что порицаютъ наше крестьянское самоуправленіе. Крестьяне де тупы и неразвиты, не понимаютъ своихъ собственныхъ интересовъ. Должность старосты, говорятъ эти хулители крестьянства, почитается ими за повинность, а не за честь. Прежде и я то же самое думалъ, но, когда присмотрѣлся на мѣстѣ, перемѣнилъ свое мнѣніе. Староста не собралъ во время повинностей (бѣдняки всѣ платяты, недоимки числятся за самыми богатыми мужиками, у которыхъ тысячи), и вотъ старосту сажаютъ въ кутузку. Теперь исправникъ велѣлъ посадить шесть старостъ на нѣсколько дней за нерадивое взысканіе недоимокъ. Одинъ староста, грамотный и не пьяный мужикъ (Иванъ Никитинъ), говоритъ теперь, когда его послали подъ арестъ, что онъ уже не будетъ выбираться въ старосты. Лучше заплачу деньги, а не хочу въ старосты. Такимъ образомъ на эти должности попадаютъ мало-по-малу хищники или пьяницы, и крестьянское самоуправленіе съ году отъ года падаетъ... Будь у крестьянъ какія-нибудь гарантіи противъ произвола и самодурства низшихъ полицейскихъ властей, и дѣло пошло бы успѣшнѣе. Читалъ статью Кавелина по поводу книги Нотовича. Кавелинъ напираетъ на то, что низкій уровень культуры нашей мѣшаетъ намъ имѣть болѣе совершенныя учрежденія. Низкая культура, нравственная распущенность, хищничество—это такіе факторы въ соціальной жизни народа, которые, непремѣнно, затормозятъ даже самыя совершенныя учрежденія. Такъ что же: ждать пока

хищничество изгнать всѣхъ независимыхъ людей или приступить немедленно къ реформамъ? Выходить сказка о бѣломъ бычкѣ—реформы нельзя вводить, потому что нравственный уровень низокъ. Нравственный уровень не можетъ повыситься, потому что учрежденія плохи. Хотѣлъ я написать ему возраженіе, но потомъ раздумалъ. Все равно теперь никакая полемика не поможетъ. Хаосъ (или революція), о которомъ пророчествуетъ Кавелинъ, наступитъ, и тогда изъ темнаго броженія выйдетъ свѣтлое вино ¹⁾.

Вообще противорѣчій у него много. Говоритъ онъ о хищничествѣ, объ упадкѣ нравственности и вдругъ предлагаетъ палліативъ въ родѣ того, что мѣстныя учрежденія должны состоять наполовину изъ выборныхъ, наполовину изъ коронныхъ чиновниковъ. Мудрите, господа, на здоровье. Я не пишу еще оттого, что считаю всякія мѣстныя улучшения недостаточными, пока не перестроено все зданіе. Прежняя эпоха создала очень много хорошаго, напр., крестьянскія самоуправленія, но поставили какъ *clef de voûte* исправниковъ и парализовали все, что было хорошаго въ реформѣ. Также и земство. Люди нравственные, независимые у насъ имѣются, г-нъ Кавелинъ. Доказательствомъ тому служить судъ, университетъ, даже земства (и тамъ много сдѣлано при нашей бѣдности для школъ, для оздоровленія жителей). Но эти независимые люди теперь работаютъ разрозненно, необъединенною дружиною и должны иногда падать подъ непосильною ношею. Соберите ихъ въ одну сплоченную дружину, и вы увидите, что низкій уровень нравственности, низкая культура уступятъ мѣсто болѣе совершеннымъ порядкамъ... Геніальные государи умѣли выжать такія силы изъ нѣдръ земли. Сколько этихъ силъ, но теперь онѣ попрятались или отстранились отъ дѣла, или будируютъ, или ударились въ бесплодную оппозицію.

Фридрихъ Великій не даромъ писалъ: *Si dans un pays on pouvait decouvrir tous les talens que la nature se plait à distribuer au hasard et qu'on peut employer chacun dans son genre, ce pays deviendrait le premier en Europe* (Oeuvres porthum v. 12, p. 53). Вотъ что, г. Кавелинъ. Извѣстный режимъ способствуетъ рожденію талантовъ, а другой режимъ (Имперскій-Римскій, Людовика XIV), въ концѣ-концовъ, уничтожаетъ все талантливое, независимое въ странѣ. Почему же вы вдругъ выступили

¹⁾ Въ сущности то, что въ обыкновенномъ языкѣ называется хаосомъ, только переходная форма къ болѣе совершеннымъ формамъ. Реформація, революція тоже казались хаосомъ современникамъ. Намъ хаоса не миновать, какъ ребенку, которому приходится переживать прорѣзываніе зубовъ.

съ вашими коронными мѣстными дѣятелями, что они изъ другого тѣста сдѣланы, или вы то же думаете, что чѣмъ больше путаницы, тѣмъ лучше. Шутники, право, эти господа. То общество выродилось, дрянно до нельзя, и вдругъ *панацея* для излеченія общества: возьмите казеннымъ способомъ назначьте изъ того же общества пять чиновниковъ и дайте имъ вкупѣ вмѣстѣ съ мѣстными дѣятелями вѣдать мѣстныя дѣла, и все пойдетъ, какъ по маслу.

18 декабря 1882 г.‡

Въ литературномъ мірѣ происходитъ движеніе, партіи обособляются и группируются. «Наблюдатель» далъ первый толчекъ, выбросивши «Голосъ» за его кулачество, за то, что онъ маклакъ въ литературѣ и т. д. Затѣмъ выступила «Мысль» и накинулась на либераловъ за неосторожное слово «обуздать звѣря». Со стороны либераловъ это была ужасная безтактность. Звѣрь—это народъ. «Недѣля» тоже подняла знамя народничества и кинула нѣсколько полновѣсныхъ камней въ либеральный огородъ... Всѣ эти господа очень хорошо дѣлаютъ, что протестуютъ противъ буржуазныхъ инстинктовъ «Голоса», противъ безтактнаго выраженія «обуздать звѣря», но очень глупо и безтактно поступаютъ, отнѣживаясь отъ правового порядка. Да вѣдь безъ правового порядка вамъ и сгруппироваться даже невозможно, и вся ваша борьба ограничится пролитіемъ чернилъ и останется безъ всякихъ результатовъ. Юзовъ выступилъ съ брошюрою «Основы народничества». Вотъ по поводу этой брошюры высказался Венгеровъ въ «Устояхъ» и высказался, по моему мнѣнію, очень основательно и разумно.

Венгеровъ, надо сказать, въ нашей ультралиберальной партіи играетъ роль *meuble blanc* или бѣлой сороки, т.-е. онъ одинъ мыслить вполнѣ самостоятельно и независимо. На меня онъ произвелъ очень хорошее впечатлѣніе. Видѣлся я съ нимъ два у Кривенко. Наши либералы и ультралибералы (въ томъ числѣ Михайловскій, Кривенко) игнорируютъ славянское движеніе, глумятся надъ славянофильствомъ не аксаковскимъ, надъ самобытностью Россіи, надъ патріотизмомъ и т. д... Венгеровъ, съ тѣхъ поръ, какъ я сталъ слѣдить за его статьями, прямо заявилъ (ужасная смѣлость съ его стороны) свое сочувствіе славянству, осмѣлился заговорить о самобытныхъ началахъ русскаго народа и безъ глумленія отнесся даже къ славянскому движенію. Въ первое мое свиданіе съ нимъ я поздравилъ его съ тѣмъ, что наконецъ-то нашелъ человѣка, который понялъ, что славянское движеніе такое же освободительное движеніе, какъ и борьба за независимость Америки.

Онъ признался мнѣ, что онъ даже хотѣлъ итти въ Сербію, что онъ сочувствуетъ Черняеву. Все это онъ говорилъ къ великому ужасу Кривенко, который по рутинѣ глумился и надъ 1876 г., и надъ добровольцами, и надъ Черняевымъ. Но вотъ теперь, слава Богу, онъ высказался открыто въ «Устояхъ» (сентябрь, октябрь). Исходя изъ того, что не погано тѣмъ море, что псы изъ него лакали (Аксаковъ, Суворинъ), Юзовъ находитъ страннымъ чураться отъ множества прекраснѣйшихъ принциповъ только потому, что разныя мухи охотнорядскаго славянофильства и ловкачи Страстнаго бульвара запакостили ихъ. Вотъ отчего онъ съ меньшимъ азартомъ, чѣмъ г. Аксаковъ, защищаетъ и принципъ національности и самобытность русской жизни, не менѣе страстно нападаетъ на интеллигенцію нашу за ея оторванность отъ народной жизни, за ея игнорированіе народной ширины.

Очень резонно, замѣчаетъ Венгеровъ, что странно видѣть «В. Европ.» или Пыпина, отстаивающаго малороссійскую народность и отрицающаго *самобытныя начала* въ 90-милліонной Россіи.

«В. Евр.» идетъ даже дальше и въ жару полемики стоитъ горой за австрійскаго жандарма, мѣшающаго славянскимъ народамъ Австріи стать на собственныя ноги. Венгеровъ и патріотъ въ лучшемъ смыслѣ этого слова, онъ не глумится, а прямо превозноситъ до небесъ и нашу литературу, и нашу общину, артель и многое такое, о чемъ истые либералы говорятъ съ насмѣшкою на устахъ. Одно жаль, что «Устой», какъ писалъ Кривенко, дышутъ на ладанъ и имѣютъ мало подписчиковъ, такъ что статью Венгерова прочтутъ немногіе, а въ интересахъ «Новаго Времени», «Руси» и даже «Вѣст. Европы», «Отеч. Запис.» замолчатъ эту статью (todtschweigen), потому что имъ будетъ не ко двору. Также интересно, какъ пойдетъ брошюра Юзова. Брошюру труднѣе замолчатъ. Время возьметъ свое. Интересно, какъ отнесутся «Отеч. Записки» къ этому расколу въ партіи крайнихъ. Вѣрнѣе всего пройдутъ молчаніемъ.

«Отеч. Зап.» или, лучше сказать, Михайловскій игнорировали славянское движеніе, Достоевскаго, самобытность Россіи, но это не мѣшаетъ Достоевскому здравствовать и царить въ умахъ читателей; славянское движеніе приноситъ свои результаты, а про самобытность Россіи нечего и говорить, она постоитъ за себя, несмотря на всѣ крики въ родѣ «обуздать звѣря» и т. д.

Россія сама по себѣ съ глупымъ своимъ «звѣремъ» все-таки фактъ такой величины, что приди Михайловскій, Полонскій и tutti quanti съ цѣлымъ полчищемъ пособниковъ, и то имъ не

совладать съ нею... Какъ древній сфинксъ, она будетъ пожирать всѣхъ тѣхъ, которые не отгадають загадки. Даже хаосъ, о которомъ пророчить Кавелинъ, и тотъ будетъ въ пользу этому звѣрю въ 90 милліоновъ (или иначе—святая скотина). Слава Богу, что между молодыми (Венгеровъ, Оболенскій) начинаютъ сознавать это. Можетъ быть ть заднею мыслью (ради цензуры) эти господа чураются правового порядка. Исходъ одинъ—или правовой порядокъ, или хаосъ, но необходимо Россіи развиться и перейти въ болѣе совершенныя политическія формы.

Я думаю, что Венгеровъ и Оболенскій и это понимаютъ, но, ругая «конституцію», они подь этимъ флагомъ проводятъ все, что такъ дорого по существу, и обманываютъ бдительную цензуру. У насъ такъ дѣлается: если авторъ бранитъ правовой порядокъ, конституцію, то цензоръ пропускаетъ слѣпо всю статью. Такимъ образомъ крайнія идеи и взгляды всегда берутъ перевѣсъ въ обществѣ надъ конституціонно-буржуазными идеалами. Смѣются у насъ надъ республикою Тьера, даже надъ Америкою, а тамъ вдали анархизмъ. Все это такъ естественно, что удивляться этому нечего. Общество наше до сихъ поръ не оперилось, трусливо и не привыкло къ оппозиціи, а крайняя партія съ какимъ-нибудь Кропоткинѣмъ во главѣ процвѣтаетъ и все больше и больше пріобрѣтаетъ силы. Камарилья работаетъ теперь въ пользу революціонной партіи и приведетъ, конечно, дѣло къ ужасной развязкѣ. Nur drauf los—quem deus perdere vult...

21 декабря 1882 г.

Только что узналъ о результатахъ свиданія Румянцева съ товарищ. мин. Оржевскимъ. Потребовали его къ Цѣпному мосту. Онъ явился въ сюртукѣ. Просили садиться. Разговоръ длился 1 ч. 40 мин. Сначала товарищъ министра заговорилъ о «рѣзкихъ выраженіяхъ», которыми Румянцевъ характеризовалъ полицію. Румянцевъ, съ своей стороны, заявилъ, что полиція не взыскиваетъ недоимокъ, ведетъ себя непростительно относительно земства.

Товарищъ мин. Да у васъ такъ много налоговъ, а вотъ я самъ помѣщикъ Витебской губ. и я тамъ плачу самый вздоръ, а у насъ имѣются все хорошія дороги.

Румянцевъ. А школы и больницы тамъ имѣются?

Тов. мин. Нѣтъ, школь не имѣется, да этого и не нужно.

Румянцевъ. Въ такомъ случаѣ отчего, если дѣла идутъ такъ хорошо безъ земства, не уничтожить самага земства?

Тов. министра. Я этого не говорю. Земство намъ нужно, но я

хотѣлъ замѣтить вамъ, что вы совершенно напрасно нападаете на полицію, на администрацію, заявляете какія-то требованія о реформахъ. Кто желаетъ реформъ—общество не желаетъ реформъ. Вы развѣ общество? Вы желаете реформъ—все отдѣльные лица. Развѣ вы общество, вы служили въ контролѣ, а теперь?

Румянцевъ. Извините, я никогда не служилъ, вы, можетъ быть, смѣшиваете...

Оржевскій. Ну, все равно, я говорю, что все это вздоръ, всѣ эти земскія требованія, никто ихъ не желаетъ.

Румянцевъ. Да вѣдь само правительство обращалось къ земству.

Оржевскій. Когда? Какое правительство?

Румянцевъ. Да призывало свѣдущихъ людей при Игнатьевѣ...

Оржевскій. Все это одно шутовство. Это *шутовское министерство*.

Румянцевъ переводитъ какъ-то разговоръ на судъ.

Оржевскій (съ презрительною гримасою). Присяжные судьи. Какой судъ... Судъ Засуличъ...

Румянцевъ. Въ такомъ случаѣ, если правительство недовольно судомъ, то слѣдуетъ его уничтожить.

Въ такомъ тонѣ продолжается вся бесѣда. Оржевскому пора ѣхать. Онъ встаетъ: «Мнѣ поручилъ министръ сказать вамъ, чтобы вы не писали дерзкихъ бумагъ губернатору и въ своихъ заявленіяхъ въ Земскомъ Собраніи были бы сдержаннѣе». *Sapienti sat.* Лучше всего, конечно, что правительственная власть обзываетъ шутовствомъ начинанія того же правительства за 1881 г... Вообще, дѣло теперь тормозится, елико возможно, съ крестьянскими банками и со всѣмъ тѣмъ, что выдуманно было Игнатьевымъ.

Пріемная министра открывается всего на одинъ часъ, отъ 10—11 часовъ и затѣмъ двери въ это святилище закрываются до другого дня.

Представляются только чиновники.

Министръ. Вамъ что?

Дараганъ. Я прошу мѣсто губернатора.

Министръ. Мѣсто губернатора я предоставляю собственному усмотрѣнію.

Дараганъ. Такъ мнѣ, можетъ быть, причислиться къ другому министерству?

Министръ. Нѣтъ. Вы такъ давно служите, Дараганъ.

Дараганъ. Итакъ, вы мнѣ не отказываете?

Министръ. Не отказываю и не обѣщаю.

А вамъ что?

Вице-губ. Н. Представиться, ваше высокопревосходительство.

Министръ. А вамъ что?

Комиссаръ по Царству Польскому. Желая получить мѣсто вице-губернатора.

Министръ. Обратитесь черезъ ваше начальство.

А тебѣ что, батюшка?

Крестьянская депутація. Да на счетъ земли. У насъ мало земли (оказывается—рязанскіе крестьяне. Министръ кстати очень много тамъ накупилъ земли).

Министръ. Да откуда вамъ дать земли?

Крестьяне. Да у сосѣдей.

Министръ. Да какъ же это? Можетъ быть, имъ вовсе не хочется уступать землю. Никакой земли вамъ не будетъ (строго). Да объявите всѣмъ, которые васъ сюда прислали, что эти требованія незаконны и неосновательны (обращается къ чиновнику). А ихъ препроводить домой по этапу.

(Прелестно).

Послѣ всего этого удивляться ли тому ликующему тону, которымъ отличается «Новое Время». Правда, ликовать имъ можно. Сразу въ одинъ день «Голосу» было два предостереженія за то, что онъ назвалъ нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ министерство Толстого министерствомъ затишья. «Московскому Телеграфу» запрещена розничная продажа и «Русскій Курьеръ» запрещенъ на три мѣсяца. Ликуйте, господа, благо пятаки хлынуть въ вашу кассу и теряйте всякій стыдъ и совѣсть... Эта кара постигла либеральныя газеты накануне подписки и, конечно, привлечетъ въ ненаказуемое «Новое Время» новыхъ подписчиковъ... Подобно Воронцову-Дашкову, который даетъ ходъ по службѣ людямъ, служившимъ въ его полку, Толстой покровительствуетъ своимъ рязанцамъ—непремѣнный членъ выскочилъ въ губернаторы. Другой господинъ, помогавшій ему покупать имѣніе въ Рязанской губерніи, попалъ въ земскій отдѣлъ начальникомъ.

Чудны Твои дѣла, о, Господи...

Еще подробности по дѣлу о *Р(ождествен)ской*. Это дѣло напоминаетъ собою Троянскую войну. Всѣ перемѣшались и переругались по этому поводу... Инспекторъ народныхъ училищъ Лосинскій, получивъ выговоръ, заболѣлъ, и его жена полетѣла въ Петербургъ къ попечителю округа—Дмитріеву (бывшему профессору конституціоннаго права)... Онъ принялъ ее за *Р(ождествен)скую*, но, узнавъ, кто она, сталъ говорить, что *Р(ождествен)ская* чрезвычайно опасна. Лосинская высказала ему, что земства считаютъ за *шикъ* противодѣйствовать губер

натору въ этомъ дѣлѣ. Это слово (шикъ) подлило масла въ огонь, и бывший профессоръ конституціоннаго права вскочилъ со стула, какъ ужаленный, и воскликнулъ: «Я имъ покажу, нѣтъ, я покажу имъ свою силу. Узнають они меня». Неправда ли это очень характеристично и мило! Какъ у насъ на Руси люди мѣняются? Сегодня либераль, завтра—держиморда,² а послѣ завтра опять либераль, будирующий правительство. Вотъ и Чичеринъ вдругъ не позволилъ Муромцеву сказать рѣчь въ Думѣ. Для автора «О представительствѣ» такія Чингисхановскія наклонности просто неприличны.

Еще маленькій фактъ изъ новгородской жизни. Нѣкто Харзѣевъ отличается дерзкимъ, вызывающимъ поведеніемъ. Но вотъ, съ нѣкоторыхъ поръ, онъ утихъ и успокоился. Идутъ по улицѣ прокуроръ, жандармскій полковникъ и еще кто-то и говорятъ другъ-другу: «Давай заглянемъ въ окно, что дѣлаетъ Харзѣевъ». Харзѣевъ, какъ увидѣлъ ихъ, выскочилъ на улицу и выругалъ ихъ самымъ исправнымъ манеромъ... Жандармскій полковникъ добился того, что его за нарушеніе общественной тишины сослали административнымъ порядкомъ въ Вологду, а они оказались правы. Нѣкоторыя лица, которыя приняли участіе въ Харзѣевѣ, обратились къ Шелгунову («Дѣло»), но не добились результата, потому что ни одна газета не взялась опубликовать этотъ фактъ. Итакъ, административная высылка, какъ орудіе произвола, обращена не на крамолу, которая, надо полагать, благоденствуетъ и набирается силъ, но на Сидора, Петра, потому что они не угодили жандармскому полковнику, исправнику и т. д.

Все это, за отсутствіемъ гласности, творится тихо и подъ шумокъ и возбуждаетъ много неудовольствія. Спрашивается, какая польза отъ этого для правительства, что Сидоръ, Карпъ попадутъ въ ежовыя рукавицы?..

24 декабря 1882 г.

Возвращаюсь къ старой темѣ, какъ у насъ люди мѣняются. Вотъ и Черкасскій, земець, сподвижникъ Николая Милютина, какъ только получилъ право распорядиться Болгаріей, сейчасъ же перемѣнилъ политику. Мнѣ онъ отвѣчалъ, когда я захотѣлъ отправиться въ Болгарію, что теперь вся сербская исторія подозрительна и что надо избѣгнуть всего революціоннаго. Я на него не сержусь, но я въ правѣ негодовать на него, что онъ, земскій дѣятель, вдругъ въ Болгарію наслалъ все какихъ-то капитановъ, не знающихъ ничего о Болгаріи. «Покажите мнѣ на земскихъ дѣятелей,—сказалъ онъ Петрову,—

которыхъ можно послать въ Болгарію. Такихъ земскихъ дѣятелей нѣтъ». И все это говоритъ земскій дѣятель. Набирая своихъ помощниковъ, онъ обращалъ вниманіе на связи, на ходатайства разныхъ тетушекъ, бабушекъ, весь ушелъ въ визиты высокопоставленнымъ лицамъ. И что же? Наша администрація въ Болгаріи стала притчею во языцѣхъ и покрылась позоромъ. Онъ мѣтилъ изъ гражданскаго ком. въ Болгаріи попасть прямо въ министры и умеръ въ Санъ-Стефано. О *vanitas vanitatum et omnia vanitas*. Съ точки зрѣнія Гирса я еще могъ быть виновнымъ. «*Vous êtes allé chercher des aventures*», сказалъ онъ мнѣ, но я до сихъ поръ считаю этотъ поступокъ въ моей жизни за самый честный поступокъ...

Не одними словами, но и дѣломъ я засвидѣтельствовалъ свое сочувствіе славянскому дѣлу, и мнѣ нечего этого стыдиться...

Всѣ газеты полны извѣстіями о смерти Гамбетты. Къ счастью, Франція—не Россія, въ которой выбирать не изъ кого. Тамъ земля не оскудѣетъ всякими людьми. Я не хочу этимъ сказать, что Россія уступитъ Франціи въ талантливости своего народа, нѣтъ, я этого не думаю. Но всѣ наши великія талантливья силы подъ спудомъ, а власть выбираетъ изъ одного узкаго, маленькаго кружка, въ которомъ изсякла всякая талантливость, всякая способность. Пушкиревъ разсказывалъ намъ, что государь хотѣлъ назначить министромъ финансовъ Кидошенкова только потому, что онъ зналъ его въ Болгаріи... Этимъ же объясняется выборъ Ванновскаго и другихъ. Вообще, чѣмъ глупѣе министръ, тѣмъ дольше онъ сидитъ на мѣстѣ (Гирсъ, Посъеть). Все, что поталантивѣе, сидитъ безъ году недѣлю (Игнагьевъ, Лорисъ-Меликовъ, Абаза, Милютинъ)... Новиковъ говорилъ мнѣ въ Вѣнѣ, что дипломатъ, какъ и хорошенькая женщина, хорошъ, *когда объ немъ не гозорятъ*. Странная теорія. Мнѣ это было сказано въ назиданіе и въ порицаніе моихъ дѣйствій, но по этой теоріи объ дуракахъ и безцвѣтныхъ людяхъ всего меньше гозорятъ.

Тутъ не Новиковъ, Гирсъ, тутъ вся система виновата, и пока не войдетъ сюда струя чистаго воздуха, до тѣхъ поръ мы останемся при этой гнили и пошлости.

Гр. де-Волланъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).